

HAL
open science

Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород [Ryurik Gorodishche, Yaroslavovo Dvorishche and Novgorod the Great]

Aleksandr Musin

► **To cite this version:**

Aleksandr Musin. Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород [Ryurik Gorodishche, Yaroslavovo Dvorishche and Novgorod the Great]. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 2020, 28, pp.45-75. <10.31600/1817-6976-2020-28-45-75>. <hal-03174149>

HAL Id: hal-03174149

<https://normandie-univ.hal.science/hal-03174149>

Submitted on 18 Mar 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Содержание

AD MEMORIA

<i>В. А. Лапшин, Н. И. Платонова, В. А. Алёшкин.</i> Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019), ученого, руководителя, друга	11
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> «Где начиналась Русь» (к 45-летию исследований на Городище Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН)	16
Зарисовки из дневника Евгения Николаевича Носова	23
<i>В. А. Лапшин.</i> Концепция древнерусского города в трудах Е. Н. Носова	27
<i>Н. И. Платонова.</i> Мое Рюриково городище (воспоминания о сезоне 1977 г.)	32
<i>Т. С. Дорофеева.</i> Городище навсегда... ..	37
Евгений Николаевич Носов. Фотографии разных лет	40

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

<i>А. Е. Мусин.</i> Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород	45
<i>П. Г. Гайдуков, А. А. Гомзин, М. В. Шорин.</i> Афригидская драхма из ближайшей округи Новгородского городища (новый взгляд через 40 лет)	76
<i>А. А. Кудрявцев.</i> Раскопки участка рва Рюрикова городища при архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения в 2016–2017 гг.	80
<i>А. В. Плохов.</i> Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища	88
<i>Приложение. К. С. Чугунова.</i> Результаты исследования химического состава стекла двух находок Рюрикова городища	108
<i>А. В. Курбатов.</i> Новый взгляд на старую коллекцию	111
<i>Т. С. Дорофеева, В. Л. Полигаев.</i> Глиняные игрушки Рюрикова городища	124

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. И. Петров, О. А. Тарабардина.</i> Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории	134
<i>Л. В. Покровская.</i> Привески-лунницы с Троицкого раскопа (хронология)	152
<i>М. А. Родионова.</i> Археологическое изучение Новгородского кремля: проблемы, гипотезы, доказательства	160
<i>Е. А. Рыбина.</i> Заметки об атрибуции новгородских находок	173
<i>В. К. Сингх, А. М. Степанов.</i> Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)	182
<i>В. Г. Пуцко.</i> Новгородские каменные иконки: искусство резьбы	194
<i>М. Брисбейн, Э. Хамблтон, Ш. Хамилтон-Дайер, М. Молтби.</i> Использование природной среды: дикие животные в средневековом Новгороде и на Новгородской земле	203
<i>П. Джонстон, М. Монк.</i> Размышления о ключевых вопросах изучения остатков растительности и насекомых Троицких раскопов в Новгороде, 1994–2002 гг.	222

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>А. Ю. Городилов, М. А. Раззак (Юшкова).</i> Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг.	233
<i>И. В. Исланова.</i> Мстинско-Моложская группа древностей середины I тыс. н. э. на Волго-Балтийском водоразделе	249
<i>М. М. Казанский.</i> О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.)	258
<i>А. В. Мастыкова.</i> Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв.	272
<i>Т. А. Пушкина (†2020).</i> Глиняные диски-грузила на территории Древней Руси	289
<i>Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева.</i> Смоленск и Гнёздово	296
<i>Н. И. Асташова.</i> Литейные формы из раскопок Смоленска	304
<i>К. В. Горлов, В. Н. Седых.</i> Хронология погребений с монетами ярославских могильников. Вновь о датирующих возможностях нумизматического материала	309

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. С. Зозуля, А. Ю. Кононович.</i> Исследования некрополя Петровского археологического комплекса слушателями Археологического института в 1880 г.	317
<i>С. И. Кочуркина.</i> Ладьевидные так называемые энколпиобраслеты: ареальные особенности	329
<i>В. Н. Кузнецова.</i> Древнерусские игольники с арочной ажурной спинкой	334
<i>Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева.</i> Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки	347
<i>В. Ю. Соболев.</i> Торговые контакты населения Которска	366

ИСТОРИЯ, АРХИТЕКТУРА, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Е. Р. Михайлова.</i> Курганы в Хотовском Бору: перечитывая предшественников	377
<i>М. В. Медведева.</i> Буковинская экспедиция академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина. Документы и фотографии из архива ИИМК РАН	388
<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Крепость Годлик в системе средневековых фортификационных сооружений на Черноморском побережье Большого Сочи	406
<i>О. В. Овсянников.</i> Баженины — купцы, промышленники, корабли (источниковедческие заметки)	422
<i>С. А. Семёнов.</i> Этнографические заметки участника археологических экспедиций Е. Н. Носова. 1995 г.	445
Список сокращений	461

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород

А. Е. Мусин¹

Аннотация. В статье предлагается новая гипотеза о происхождении Новгорода. Упадок жизни Городища в конце IX в. — 930-х гг. соответствует появлению поселений на Торговой стороне. Возрождение Городища во второй четверти X в. одновременно поселкам Софийской стороны. Появление княжого двора близ Торга и моста через Волхов, датирующиеся 970-и гг., и строительство Детинца в XI в. завершают формирование города.

Annotation. The paper presents a hypothesis of the origin of Novgorod. The decrease of Gorodishche in the 890–930s corresponded to the emergence of settlements at Torgovaya Side. Its revival in the 930–950s was synchronous to the agglomeration at Sofiyskaya Side. The appearance of the Princely Court near the Market and the bridge over the Volkhov in the 970s and the construction of the Detinets in the 11th century completed the formation of the town.

Ключевые слова: Древняя Русь, история, археология, синхронизация, урбанизация, Новгород, поселенческая агломерация, княжое право, княжий двор, мост через Волхов.

Keywords: Early Rus', history, archaeology, synchronisation, urbanisation, Novgorod, agglomerated settlements, juralis, princely court, bridge over the Volkhov River.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-45-75

Городище, что в двух километрах к югу от Новгорода, обязано своей судьбой двум людям. Один из них, князь Рюрик, подарил ему собственное имя. Другой, Евгений Носов, даровал ему собственную историю. До исследований Евгения Николаевича Городище служило либо любительской аттракцией, как в случае с Николаем Рерихом, либо полигоном узкопрофессиональных интересов, как в случае с Михаилом Каргером. Системное изучение памятника в контексте истории и археологии Северной и Восточной Европы позволило Е. Н. Носову определить его место и роль в судьбах Новгородской земли.

Е. Н. Носов впервые решительно преодолел магию имени, отказавшись от поисков конкретного «Старгорода», который в процессе «переноса городов», модного тренда российской археологии

1970–1980-х гг., передал свою судьбу новому поселению — Новгороду (Носов, 1990. С. 191, ср.: «...строительство Нового города не имеет прямого отношения к проблеме “переноса городов” в том виде, в котором она обычно обсуждается в литературе»). Это не значит, что исследователь не задумывался о перемещении укрепленного центра внутри плотного гнезда поселений у истоков Волхова и о возможной «миграции» топонима. Скорее, здесь чувствовался отказ от признания трансурбанизации средством социально-политического строительства в Восточной Европе X в.

Известно, что в Западной и Центральной Европе в силу активной рецепции римского права урбанизация была связана с формированием публичных пространств, социально-политические статус и функции которых были защищены не только фортификационными сооружениями, но прежде всего юридическим механизмом. Утверждение городского права сопровождалось эволюцией социальной топографии и распространением нового типа материальной культуры на основе коммерческого рынка. В Восточной Европе

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и её соседей».

град подменял город, а урбанизация в ученых конструкциях сводилась к фортификации как процессу возникновения и развития укрепленных административных центров.

Впрочем, Е. Н. Носов, похоже, соглашался с пониманием раннесредневековой урбанизации, присущим С. Рейнолдс. Исследовательница связывала этот процесс с появлением постоянных (укрепленных?) поселений, значительная часть населения которых практиковала неаграрную деятельность (ремесло и торговля), что и отличало его от сельской округи и позволяло выполнять в отношении ее населения служебные функции (администрация и суд) (Носов, 1993а. С. 209–210; ср.: Reynolds, 1982).

Итак, с затянувшимися историографическими поисками конкретного предшественника Новгорода (см. историю поисков в работе: Хорошев, 1983) было покончено. Напомним, что среди его «предков» называли Старую Руссу (Татищев, 1963. С. 77; Шахматов, 1919. С. 58; 2002. С. 219; Платонов, 1920; Медведев, 1967), Старую Ладогу (Равдоникас, 1949. С. 6; Арициховский, 1950. С. 9; 1956. С. 43; Орлов, 1960. С. 26; Мавродин, 1971. С. 54–55; исторический приоритет Ладоги подразумевал и А. Н. Кирпичников, никогда, впрочем, открыто не противопоставлявший два города как «старый» и «новый»), собственно Городище (Каргер, 1946. С. 10; 1947. С. 148; Воронин, 1945. С. 35) и даже Киев (Рыбаков, 1982. С. 527, 530; Куза, 1975. С. 173).

Е. Н. Носов не ходил к далеким истокам. Для него своеобразным «Старгородом» явилась агломерация укрепленных и неукрепленных поселений в истоке Волхова и Поозерье. Такая концентрация жизни предполагала, что Новгород возник на перекрестье региональных процессов и интересов, не в последнюю очередь торговых и посреднических, которые требовали правды и порядка, третейского суда и защиты. Ответом на такую потребность и стало появление сначала Городища, а затем Нового города (Носов, 1984. С. 38).

Может показаться, что в исторической реконструкции Е. Н. Носова именно Городище было «Старгородом» для Новгорода, тем более что исследователь постоянно подчеркивал: термин обозначает «место бывшего города», «старый город». Однако это не более чем видимость. История совершалась сложно и нелинейно. Рождение Новгорода стало результатом перемещения укрепленного социально-политического локального центра внутри поселенческой агломерации. Эти

поселения оказались для судьбы Новгорода более значимыми, чем старое Городище, поскольку именно они и интересы их обитателей вызвали к жизни Новый город. Он стал наследником Городища лишь в качестве укрепленного поселения с военно-административными функциями, основанного среди поселков местной знати («лучших мужей», «старейшин», «земского боярства»). В то же время он противостоял древнему княжескому городку в истоке Волхова. Городище, как догородское поселение неаграрного типа, было исходным звеном в цепи событий, приведших к возникновению города Новгорода. Этой версии истории Е. Н. Носов с незначительными уточнениями придерживался в дальнейшем (Носов, 1984; 1990. С. 171, 172, 183, 191; 1995; 2017; Носов и др., 2017).

Топонимическая история Новгорода оказалась не менее сложной. Изначально Е. Н. Носов крайне осторожно соглашался с отождествлением названия *Νεμογαρδάς*, упомянутого Константином Багрянородным в сочинении середины X в. *De Administrando Imperio*, с поселениями на месте или в окрестностях будущего Новгорода и, в частности, с Городищем, постоянно подчеркивая, что информация, записанная византийским императором, предполагала географическую близость *Νεμογαρδάς* и Киева (Носов, 1990. С. 193–194; 1995. С. 11–13; но ср.: Носов и др., 2017. С. 30).

Обычно исследователи полагали, что имя «Новгород» появляется лишь в связи со строительством Детинца на северном холме будущего кремля в 1044 г. Однако Е. Н. Носов посчитал, что его необязательно связывать исключительно с этим укреплением. Согласно его гипотезе, это название должно было возникнуть много ранее, хотя основания для этого («невозможно допустить, что на все летописные известия о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся во второй половине XI в.») и не представляются безусловными (Носов, 2017. С. 117; ср.: Носов, 1990. С. 193–194).

Изначально Е. Н. Носов скептически относился к возможности однозначно решить вопрос о древнем наименовании Городища (Носов, 1990. С. 184, 199), однако со второй половины 1990-х гг. принял лингвистически убедительную гипотезу Т. Н. Джаксон о скандинавском топониме *Hólmgarðr* как имени конкретного укрепленного поселения, некогда относившегося к Рюрикову городищу и впоследствии отождествленного

с Новгородом (ср.: Носов, 1998). В силу этого исследователь отказался от ранее разделяемой им «территориальной» интерпретации этого названия как обозначения системы островных укрепленных поселений в истоках Волхова (ср.: Kleiber, 1957; Мельникова, 1977). Напомним, что, согласно этой гипотезе, славянская форма *Холмъград* должна была существовать изначально. Только это могло позволить скандинавам создать топоним *Hólmgarðr*, воспроизводящий по определенным правилам фонетический облик славянского названия (Джаксон, 1984; 2012. С. 654; Джаксон, Молчанов, 1990).

Эта топонимическая история получила в трудах Е. Н. Носова свое продолжение. По выдвинутой им гипотезе, строительство мощной системы укреплений на городищенском холме в середине IX в. привело к появлению новых названий и брожению старых. Согласно предложенной им «наиболее вероятной схеме», славянское имя *Холмъград* при своем рождении было связано с поселением, которое существовало на городищенском холме до строительства здесь крепости Рюриком в середине IX в. Эта крепость и стала «первым» Новым городом, «Новгородом», упоминаемым в связи с событиями IX–X вв. Однако этот «первый Новгород» в представлениях Е. Н. Носова не был новым поселением, возникшим на новом месте: строительство княжеского замка происходило на уже обжитом пространстве главного в то время административного центра Приильменя (Носов и др., 2017. С. 28–33; ср.: Носов, 2017).

Если «Новый город» как имя новой крепости, по мнению Е. Н. Носова, утвердилось с этого времени за городищенским холмом, то старинный *Холмъград* вместе со своими обитателями начал свою миграцию к южной части будущей Торговой стороны Новгорода. Он стал синонимом Славенского конца в форме *Холмъ* как ближайшей к Городищу городской территории (Носов и др., 2017. С. 32). Каким образом и когда это произошло, исследователь не уточнил.

Это постарались сделать другие, исследовательской логике которых Е. Н. Носов следовал. О возможной связи *Холма* и *Hólmgarðr* писала Е. А. Рыдзевская (Рыдзевская, 1922), Славно представлялся некоторым исследователям первым, «старым городом», относительно которого Новгород становился «новым» (Кушнир, 1982. С. 6–7). Об этом же строили догадки М. Х. Алешковский и В. Л. Янин (Янин, Алешковский, 1971. С. 41),

причем В. Л. Янин в вопросительной форме допускал переселение жителей «покинутого» Городища-Холмъгорода на территорию будущего Славна, под которым понимался Славенский конец в целом (Янин, 1982а. С. 83, 87). Однако В. Л. Янин, задав вопрос, оставил читателей в неведении относительно времени такого переселения и, следовательно, запустения Городища.

Этот вопрос, по существу риторический, превратился в гипотезу, нашедшую свое место в трудах других исследователей. Демографический механизм топонимической миграции, связанный с предполагаемым переселением обитателей Городища на территорию будущего Славенского конца, куда был перенесен и ставший привычным топоним, был включен Т. Н. Джаксон в свою версию истории. По мнению исследовательницы, к закреплению старого имени на новом месте могло располагать сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого пространства — городищенского холма и Холма Славенского. Добавим, что позднее на ментальной карте скандинавского мира это имя распространилось на пространство всего Новгорода (Джаксон, 2012. С. 654). Подчеркнем, однако, что Е. Н. Носов, признав вслед за Т. Н. Джаксон Городище Холмъгородом, никогда напрямую не говорил про «переселение» жителей Городища на Славно и, соответственно, не ставил вопрос о дате и конкретных обстоятельствах перенесения топонима (Носов, 2017. С. 119).

Тем неожиданнее прочесть со ссылкой на Е. Н. Носова, что «на Славну в X в. была перенесена основная часть Рюрикового городища, покинутого из-за регресса оз. Ильмень», поскольку в это время «основная часть Рюрикова городища, вследствие регресса оз. Ильмень, перестала функционировать, будучи размытой его водами» (Войтович, 2015. С. 7, 11; следует ссылка на работу: Носов, 1984. С. 3–38, где подобные утверждения отсутствуют). Мы видим лишь одну причину появления такого утверждения. Оно стало спонтанным синтезом различных фактов и предположений, касающихся Новгорода и Городища (упомянутые выше гипотезы В. Л. Янина и Т. Н. Джаксон, уход Рюриковичей с Городища в Киев, подмывание разливами оз. Ильмень дубовых конструкций Городища, построенных без необходимого гидротехнического опыта [ср.: Носов, 2007. С. 35], неподтвержденные догадки об изменении уровня Ильменя и Волхова в X–XI вв.).

Для Е. Н. Носова было характерно другое. Городище X в., особенно второй половины этого

столетия, представлялось ему активно развивающимся поселением, о чем свидетельствует хронология найденных здесь скандинавских украшений и закрытых керамических комплексов. Эти наблюдения ставили под сомнение возможность миграции жителей Городища на Славно в X в. Эпоху «покинутого» Городища исследователь относил к первой половине — середине XI в., о чем свидетельствовало практическое отсутствие комплексов и артефактов этого времени. По мнению Е. Н. Носова, в начале XI в., возможно, около 1014 г., князь Ярослав переносит свою резиденцию с городищенского холма ближе к Торгу, одному из центров новых поселений на берегах Волхова, на окраину славянского Холма, еще свободную от плотной городской застройки, что свидетельствовало о возросшем значении поселков на месте будущего Новгорода. Возникший здесь княжий двор — Ярославово дворище, вторичный по отношению к уже существовавшему Новгороду, стал следствием политического альянса «нарочитых мужей» и князя, поддержавшего сепаратистские стремления новгородцев (Носов и др., 2017. С. 28). Именно здесь как разрешение княжеско-новгородских противоречий принимается эпохальное решение, что Руськая правда, некогда защищавшая права русина, будет распространяться и на словен-славян. Рядом с резиденцией, согласно видению Е. Н. Носова, стали появляться дворы-усадыбы огнищан, дружинников, княжих мужей, в том числе и Поромонь двор, сопоставимый с «домом для дружины», упомянутым в Саге об Эймунде Хрингссоне (см.: Носов, 1990. С. 196; Носов и др., 2017. С. 4; ср.: Джаксон, 2012. С. 309), где могла находиться казарма скандинавских наемников и резиденция северных купцов.

Лишь в последней четверти XI в., возможно около 1088–1089 гг., князь, и не исключено, что им был малолетний Мстислав Владимирович, со своей свитой возвращается обратно на Городище (Носов, 1990. С. 195–198). Об этом свидетельствует целый ряд событий и тенденций: особенности взаимоотношений Новгорода с князьями, начинающих именно в это время приобретать, согласно письменным памятникам, новые характерные формы, начало строительства церкви Благовещения Богородицы на Городище в 1103 г., а также появление на Городище предметов повседневной культуры, характерных для второй половины — конца XI в. и последующего

времени, и княжеских документов, утвержденных свинцовыми печатями, которые можно связать с Рюриковичами этой эпохи. Именно тогда Городище и обретает свое нынешнее имя — «Городище», тогда как в двух километрах к северу от него уже полвека высится новая крепость, Детинец, построенная князем Владимиром Ярославичем в 1044 г. Остается добавить, что гипотеза о перенесении княжого двора с Городища на правый берег Волхова в XI в. не вполне согласуется с другой, связанной с топонимикой, поскольку перенесение Холмъграда на Холм, по логике вещей, должно было состояться много ранее начала этого столетия.

Появление княжого двора в начале XI в. рядом с Торгом, а не на месте будущего Детинца, имело, как полагал Е. Н. Носов, свои веские причины. В эту эпоху каких-либо укреплений на северном холме будущего кремля, где в конце X в. появляются Владычный двор и Софийский собор, не существовало. Здесь не позднее 960-х гг. возникло поселение, о чем свидетельствует обнаружение культурного слоя и деревянных конструкций, которые первоначально были датированы именно этими годами, тогда как южный холм оказывается лишь окраинным районом Людиного конца с регулярной планировкой, включенным в Детинец только в 1116 г. (Носов, 1990. С. 192–193, 195). Таким образом, до 1044 г., когда, согласно младшему списку Новгородской первой летописи, князь Владимир Ярославич «заложил Новгород и сделал его» (НПЛ, 1950. С. 181), никаких укреплений на холмах левого берега Волхова не было. Не существует, по мнению исследователя, и археологических свидетельств о ритуальном использовании этих возвышенностей в дохристианское время.

Итак, наличие мощных фортификаций рассматривалось Е. Н. Носовым как обязательный атрибут княжеской резиденции. Впрочем, воздвигая в 1044 г. крепость «Новгород», князь Владимир Ярославич заботился не о себе, а о епископе, который обосновался здесь в конце 980-х гг., когда северная часть кремлевского холма и вышла «на политическую сцену». Владычный двор, дубовый Софийский собор, епископская домовая церковь свв. Иоакима и Анны и Пискупля улица возникают здесь, по мнению исследователя, практически синхронно основанию княжого двора на Торговой стороне. Эти факты в совокупности свидетельствуют о завершении процесса становления в верховьях Волхова нового административного

и экономического центра — Новгорода (Носов, 1995; 1997; Носов и др., 2017. С. 29).

Сделанный вывод имеет непосредственное отношение к общеисторическим представлениям Е. Н. Носова о причинах и обстоятельствах возникновения новых городов в Восточной Европе в конце X — XI в. Не будет преувеличением сказать, что его теорию, сложившуюся, по собственному признанию, не без влияния взглядов Н. Дежевского (ср.: *Dejevsky*, 1977. Р. 391–402), стоит рассматривать как один из важнейших вкладов исследователя в российскую историческую науку. Новые города Восточной Европы стали по преимуществу церковными центрами, противопоставляя себя предшествующим поселениям, прежде всего в области религиозной жизни. В сложении городской структуры «христианский комплекс» (терминологическая находка Е. Н. Носова) как совокупность владычного двора и общегородского храма сыграл особую, если не главную роль (Носов, 1993б). По сути, новые восточноевропейские города явились результатом христианизации и становления Церкви на Руси.

Подведем некоторые итоги. Согласно Е. Н. Носову, новая крепость князя Владимира Ярославича, возведенная в 1044 г., стала финальным событием в появлении Новгорода. Она окружила новый городской центр — «христианский комплекс» средневекового города и «центр церковного управления Северной Руси», построенный напротив княжого двора, появившегося на другом берегу Волхова лет за 30 до этого. Крепость получает свое имя от Нового городка, некогда построенного конунгом Рюриком на Городище. Со временем это имя начинает объединять поселения на обоих берегах Волхова. Одновременно древний Холмъград/*Hólmgarðr*/Новый город на Городищенском холме переживает упадок и превращается в «бывший город». В итоге судьбы топонимов укладываются в явление культурного трансфера. Поскольку первопоселенцами Холмъгорода, где впоследствии возник Новый город скандинава Рюрика, были славяне, то новое название — Новгород — закрепилось в их языковой культуре за всей поселенческой агломерацией истока Волхова. В то же время присущее славянам древнее название центра Северной Руси — Холмъград — осталось жить в скандинавской среде. Такой Е. Н. Носов видел судьбу Городища и Города, места и имени.

Общение с Евгением Николаевичем всегда влекло за собой важные дидактические последствия.

То, что он делал и говорил, ясно давало понять, как надо поступать и как поступать не надо. Е. Н. Носову было присуще чувство методологической упорядоченности аналитических действий как процесса последовательных процедур, приводящих к наиболее вероятному результату. Для него не существовало разделения между письменной и археологической версиями истории, однако Е. Н. Носов определенно придерживался приоритета информации письменных источников, которые надлежало проанализировать изначально. В этом подходе чувствовалась научно-историческая школа. Однако это не превращало его из археолога в историка, пусть и знакомого с археологическим материалом и владеющего искусством его интерпретации. Он определенно был археологом «исторического времени», отразившегося в текстах как памятниках эпохи. В картину прошлого, созданную на основе прочтения исторических текстов и историографических сочинений, Е. Н. Носов умел мастерски вплести мельчайшие штрихи и широкие мазки с открывшейся ему палитры материальной культуры.

В целях очередной и, будем надеяться, не последней попытки распутать историческую связь Новгорода и Городища на современном этапе наших знаний воспользуемся присущими Е. Н. Носову методологическими ценностями, обратимся к известному и перейдем к неизвестному или неочевидному в судьбе обоих поселений. В качестве путеводной нити или проверяемой гипотезы нам будут служить построения и наблюдения Е. Н. Носова, которые мы постарались изложить выше. Сразу предупредим читателя, нацелившегося на историографическую интригу, — в своей основе версия истории, созданная Евгением Николаевичем, полностью верифицируема и способна выдержать проверку «перекрестным допросом» поколений историков.

* * *

Обратимся к известиям письменных памятников. Вопрос происхождения Новгорода в отечественной историографии неразрывно связан с обсуждением этнической принадлежности его первопоселенцев. Уже летописец в начале XII в. пытался согласовать известное ему предание об основании Новгорода князем Рюриком с исторической памятью о славянском расселении в Восточной Европе. Сообщив, что после правления в Ладоге князь «пришед къ Ильмерю и сруби

город надъ Волховом и прозваша и Новъгород и съде ту княжа», он вроде бы нелогично добавляет, что варяги здесь оказались «находниками», тогда как первые «насельници» в Новгороде были словенами.

Эту версию событий можно прочесть в Ипатьевском, Хлебниковском, Радзивилловском и Московском Академическом списках той части летописи, которую принято называть Повестью временных лет (ПСРЛ, 1908. Стб. 14; 1989. С. 16; ср.: *Ostrowski*, 2003. Р. 105). Приоритет славянских поселенцев перед норманнскими признают и другие поздние летописи и своды, однако здесь, начиная с Новгородской первой летописи младшего извода (XV в.), в которой Ладога не упоминается, Рюрик появляется сразу как строитель городка над Волховом (НПЛ, 1950. С. 106, 434, 514). В более ранних списках, например, в Лаврентьевской летописи, в силу дефекта протографа (?) место первой резиденции князя не упомянуто, как и, предположительно, в несохранившемся тексте Троицкой летописи (ПСРЛ, 2001. С. 20; ср.: *Прицелков*, 2002. С. 58).

Необходимо признать, что с точки зрения формальной текстологии преобладающее чтение древнейших списков само по себе не свидетельствует о приоритете ладожской версии (согласно афоризму А. А. Гиппиуса, «текстологическая реконструкция — не демократические выборы»), поскольку правильное понимание истории текста зависит от реконструкции генеалогии списков (*Гиппиус*, 2007). Однако и в этом случае из трех гипотетических протографов — соответственно для Лаврентьевского и Троицкого, Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивилловского и Московского Академического списков — два определенно свидетельствуют в пользу ладожского старшинства, а один не свидетельствует ни о чем.

Однако спор о первичности «ладожской» или «новгородской» версии для летописания Восточной Европы начался и продолжается (*Бугославский*, 2006. С. 41–42; *Алешковский*, 2015. С. 227–229; *Мюллер*, 2000. С. 173–175; *Мачинский*, 2002; *Гиппиус*, 2007; *Вилкул*, 2008; см. также дискуссию в: *Творогов*, 1997), хотя даже безусловные сторонники гипотезы А. А. Шахматова об отражении в Новгородской летописи Начального свода признают, что «ладожская версия» в свете бесспорного хронологического приоритета поселения в низовьях Волхова, представляется исторически более достоверной. В этой ситуации дискуссия лишается содержательного смысла и превращается в игры

лингвистического разума во имя решения весьма технической проблемы. Гипотетические выводы, полученные при ее решении, не могут быть корректно положены в основу изучения исторического процесса. Вследствие этого историки покидают дискуссионную площадку, а «ладожская версия» превращается в *consensus partum* современной историографии (ср.: *Добровольский*, 2008; *Ostrowski*, 2008).

Однако экскурсы в споры о летописи представляются поучительными, чтобы понять, в какой мере абсолютизация построений историков способна подменить саму историю, если в эти построения не вовлечен корректный анализ постоянно обновляемых археологических свидетельств. В полной мере это относится к судьбе Рюрикова городища. Современная историография отмечена целым рядом попыток приписать ему чуждые функции или отменить сам факт существования Городища и Новгорода в IX–X вв. с помощью гипотез, причудливо соединяющих разновременные и разнохарактерные прочтения разнообразных текстов.

Так, продолжают настойчивые попытки превратить Городище в столицу «Русьского каганата» (*Франклин, Шепард*, 2009. С. 94; ср.: *Franklin, Shepard*, 1996), хотя существование у вождя русов титула «каган» является лишь одной из возможных интерпретаций известных текстов, да и существование титула еще не гарантирует существования государственного образования «каганат» (ср.: *Garipzanov*, 2006; *Kolditz*, 2017).

Изначальной осторожностью Е. Н. Носова следует вдохновляться и при отождествлении Городища с упоминаемым в сочинении Константина Багрянородного *Νεμογαρδάς* (ср.: *Носов*, 1990. С. 193–194; *Носов*, 1995. С. 11–13 и *Носов и др.*, 2017. С. 30), где сидел Святослав, сын архонта русов Игоря, и откуда в Киев снаряжались монохилы (*Константин Багрянородный*, 1989. С. 44–45). Пожалуй, впервые это «историческое уравнение» в его полном виде сформулировал Д. А. Мачинский, отождествивший *Hólmgarðr*, *Νεμογαρδάς*, «остров русов» арабских источников, Рюриково городище как ипостась раннего Новгорода и «внешнюю Русь», вновь известную благодаря сочинению Константина (*Мачинский*, 1984; 2009. С. 495).

Однако, по изящной оценке А. В. Назаренко, «судьба “внешней Руси” сложилась не вполне удачно», поскольку воображение исследователей было приковано к «верховским» и «низовским» землям позднесредневековой России. В этом

воображении Новгород противопоставлялся Киевской земле, как «внешняя Русь» подразумеваемой «Руси внутренней». Нельзя не признать, пишет автор, что вследствие бесспорной двусоставности древнерусского государства, возникшего в результате объединения новгородского севера и киевского юга, такая дихотомия обладает «высокой степенью психологической убедительности», но «одна беда — у Константина написано другое» (Назаренко, 2009. С. 419). По его мнению, внешняя Русь византийцев — это земли вокруг Киева как резиденция архонтов Руси, Руськая земля как таковая, сосредоточенная в Среднем Поднепровье (в этом случае российская историография предпочитает говорить об «узком» смысле такого понятия, см.: Насонов, 1951; хотя «широкий смысл» оказывается лишь историографическим фантазмом, ср.: Мусин, 2018а), население которой состояло с этими архонтами в даннических отношениях (ср. сомнения других исследователей в локализации *Νεμουαρδάς* на севере Восточной Европы: Ляскоронский, 1913. С. 232–235; Пархоменко, 1924. С. 34; Бернштейн-Коган, 1950. С. 240).

Однако скепсис в отношении тождественности Новгорода и *Νεμουαρδάς* не может быть предлогом для появления новых неправдоподобностей в историографии. Недавно Ю. Дыба выдвинул гипотезу, что Новгорода, как поселения в истоках Волхова, не существовало до строительства здесь укрепления в 1044 г. Ранние упоминания Новгорода в летописи должны относиться не к Рюрикову городищу, которое не могло называться Новгородом, а к городу Владимиру на Волыни, который изначально носил имя Новгород и лишь в конце X в. получил новое название от князя Владимира. Такая географическая метаморфоза понадобилась автору, дабы обосновать собственную локализацию «малой родины» крестителя Руси. Будутина весь, или Будотино село, где, согласно поздним летописям, родился князь Владимир (ПСРЛ, 2000. С. 35; 1982. С. 60), отождествляется им с современным селом Будятичи (Иваничевский район, Волынская область, Украина) в 20 км от Владимира (здесь и далее см. серию публикаций: Дыба, 2011а; 2011б; 2013а; 2013б; 2014. С. 208–305; 2015а; 2015б; 2016, 2017а; 2017б).

Автор во многом воспользовался догадками и домыслами А. А. Шахматова, как и прочих предшественников, легко пристраивая друг к другу разнящиеся по ценности тексты и мнения. Напомним, что исследователь летописи усомнился

в достоверности сообщения 947 г. о походе княгини Ольги на Мсту и Лугу с целью установления погостов и даней, предположив, что новгородский летописец отождествил Древлянскую землю, о которой речь шла в предшествующих статьях, с Деревской землей (Шахматов, 2002. С. 129–130; автор лишь допускает иные границы Деревской земли в XV–XVI вв., обходя вопрос о самой возможности существования этого хоронима в XI в.). Следуя «логике Шахматова», Ю. Дыба перенес события 947 г. на юго-запад Восточной Европы, отождествив р. Луга с волынской р. Луг, на которой и стоит город Владимир, а «помысть» прочитал, вновь пользуясь старыми гипотезами, не как название реки Мста, а как «после мести» (ср.: Никитин, 2001. С. 30, 221), то есть «древлянской мести» княгини Ольги в 946 г.

Пытаясь дополнительно обосновать свою локализацию, автор напомнил, что Будятичи располагаются в 5 км от села Низкиничи. Здесь он воспользовался уже откровенной мифологией А. А. Шахматова, согласно которой *dux Drewlyanorum Nizskina (Miskina)*, которого Ян Длугош в XV в. называет главой восстания древлян против Аскольда и Дира, отождествляется с древлянским князем Малом, тот в свою очередь — с Мстишей-Мстиславом-Лютом, сыном воеводы Свенельда, и все вместе — с Малком Любечаниным, отцом Малуши, матери Владимира (Шахматов, 1908. С. 82–91; 2002. С. 239–257; ср. Прозоровский, 1864). В результате позднесредневековые Низкиничи превращаются в родовое владение семейства Нишкини-Малка, куда Малуша, беременная Владимиром, была сослана княгиней Ольгой.

Напомним, что на лингвистическую близость омонима и топонима указывали еще А. В. Соловьев (Соловьев, 1941) и А. Поппэ (Поппэ, 1974), однако профессионализм не позволил исследователям связать их исторической связью. Для убедительности был привлечен авторитет М. С. Грушевского, некогда мельком обратившего внимание на аристократический род Киселей из Низкиничей, создавших себе легендарную генеалогию, восходящую к киевскому воеводе Святольду (Свенельду?) (Грушевский, 1991. С. 438–439). Было использовано и не находящее объяснения прозвище Малка Любечанина, которое дал ему Сигизмунд Герберштейн — *Calufcza*. Оно было сопоставлено с топонимом нового времени *Kalusów* в той же части Волыни (Калуси, совр. Гряды). Ради окончательного закрепления «Новгорода X в.»

в этом регионе были также использованы европейская картография XVI в., помещавшая с трудом идентифицируемый город *Novuogardia* в центральной части правобережной Украины, а также местная топонимика, безосновательно рассматриваемая автором как «варяго-русская» (Дуба, 2014. С. 78–80, 97–107; 2015б).

Оставив лингвистам оценивать возможность замены Мсты на «месть», отметим лишь, что подобные построения, комбинирующие допущения и вымыслы предшественников и пренебрегающие спецификой анализа разновременных и разнохарактерных источников — письменных, историографических, генеалогических, картографических, топонимических — грубо нарушают процедуру исторического исследования. Это приводит к неизбежным «архитектурным» ошибкам в проектировании и построении исторической конструкции. Дополнительно следует сказать, что локализация анклава Рюриковичей на западной Волыни в середине X в. противоречит археологическим данным об экспансии русов в Восточной Европе (Мусин, 2018б).

В попытке отождествить *Hólmgarðr*, упоминаемый в связи с событиями IX–X вв., не с Новгородом, а с Гнёздово, был замечен Л. Войтович. Он предположил, что *Hólmgarðr* как крупный и богатый населенный пункт должен был быть хорошо известен скандинавам, проникавшим в это время в Восточную Европу по Западной Двине, еще в IX в., то есть до появления Новгорода. Таким пунктом и стало Гнёздово (Войтович, 2015), с чем вряд ли согласятся как археологи, не зафиксировавшие здесь «богатого поселения» в IX в., так и исследователи древнесеверной литературы, характеризующейся традиционностью географических локализаций.

Закончив обзор новых и старых посягательств на судьбу Городища и признав Ладогу первой резиденцией Рюрика, на что могут дополнительно указывать особые права Рюриковичей на этот город в XI–XII вв. (см. подробнее в работе: Мусин, 2002б; 2010б), подчеркнем, что для нашего исследования важно сохранение в исторической памяти древнерусского общества следующей цепочки событий, отразившейся в летописании. Согласно летописи, «город над Волховом», построенный Рюриком и названный Новгородом, оказывается вторичен по отношению к существовавшему здесь ранее славянскому поселению, которое могло располагаться на городищенском холме и

носить имя Холмъград. Строительство на городищенском холме мощного деревянно-земляного укрепления происходит не позднее, как теперь ясно, третьей четверти IX в., что указывает на *terminus post quem* для появления нового топонима. Очевидно, что свое имя город Рюрика получает от окрестного славянского населения Приильменья, с которым у князя складываются даннические, союзнические или договорные отношения. Возможно, это население непосредственно участвовало в сооружении крепости Новгород. Именно это имя будет использовано летописью, когда на обоих берегах Волхова появится поселение урбанистического типа, также получившее имя Новгород и существующее до сих пор.

Остается добавить, что распространенное убеждение исследователей в появлении названия Новгород только в 1044 г. в связи со строительством детинца на северном холме будущего кремля не основывается на обязательном прочтении источника. Летописная формула 6552 г. «а весну же Володимиръ заложи Новъгород и сдъла его» (НПЛ, 1950. С. 181) не может однозначно свидетельствовать, что такого топонима ранее не существовало. Стоит принять во внимание, что в русском языке с эпохи средневековья отсутствовало четкое различие между городом как укрепленным поселением и городом как поселением урбанистического типа, присущее другим славянским языкам (ср.: укр. — місто/город, пол. — miasto/gród, чеш. — město/hrad). В связи с этим ученое представление, что термин «городище» в обязательном порядке обозначал место, где был город, в настоящее время не существующий, не вполне верно. Это значение термина определенно фиксируется в текстах конца XIII — XIV в., однако как ранее, так и позднее сам термин вполне соотносим с функционирующим большим и богатым поселением и даже большим городом (*oppida*) (ср.: Срезневский, 1989. С. 555; Мурзаев, 1984. С. 133). Именно таким поселением, судя по всему, и представлялся новгородцам городищенский холм.

Несомненно, изложенное выше — прежде всего научная гипотеза, находящая косвенную опору в летописи и рассчитанная на рецепцию научным сообществом. Нельзя исключить и иную вероятность, связанную с инертностью исторического мышления в области топонимики и этногеографии, в силу которой общество перенесло привычный ему топоним на существовавшее ранее в той же местности поселение. Подобным образом

в библейской книге Бытия родиной Авраама назван Ур Халдейский (Бытие 11 : 31), хотя между эпохой Авраама и появлением на исторической сцене семитских племен касдим прошло без малого тысячелетие. Однако этот анахронизм не интересовал библейского писца VI в. до н. э., для которого Ур уже прочно ассоциировался с халдеями...

* * *

Перейдем от письменных памятников к памятникам археологии. В свое время Е. Н. Носов считал важным археологически установить, «возникли ли первые укрепления на Городище лишь в середине IX в. или они уже существовали к тому времени» (Носов, 1990. С. 191). Если выяснение характера укреплений, непосредственно предшествовавших середине IX в., требует дополнительных исследований, то культурный слой поселения на городищенском холме, возможно с эскарпированным склоном в северной части, который Е. Н. Носов предчувствовал, руководствуясь мозаикой отдельных артефактов, был открыт исследованиями 2015 г. (Носов и др., 2016; Еремеев, Носов, 2018). Теперь исследователь формулировал научные задачи иначе: «важнейшей задачей археологии ближайших лет будут являться поиски доказательств достаточно продолжительного существования Холмъгарда до строительства крепости Рюрика» (Носов, 2017. С. 119).

С большой степенью вероятности предшествующее поселение с лепной керамикой и даже появление элементов укреплений могут быть датированы VIII — первой половиной IX в. (Носов и др., 2017. С. 12). Впрочем, в ходе интерпретации материалов раскопок на Городище в 2015–2016 гг. появилось мнение о многослойности памятника и возникновении здесь уже в середине VII в. круглого городища с эскарпированным склоном, аналогичного Хотомели (Беларусь), а в Приильменьи — Городку на Маяте и Броннице. Городища такого типа в регионе могли появляться в результате миграции населения из Верхнего Поднепровья или Двинско-Неманского междуречья (Еремеев, 2019. С. 67–92)². Представляется, однако, что это мнение

нуждается в дополнительной верификации в силу большого числа допущений (среди них — разрушение большей части городищенского холма в позднем средневековье) и относительности имеющихся радиоуглеродных дат, которые принципиально не дифференцируются в соответствии с выделяемыми археологическими слоями, предшествующими появлению укреплений IX в. Важную роль здесь должен сыграть исчерпывающий послойный анализ керамического комплекса.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что тенденция превращения Городища в «многослойную российскую Троицу» хорошо соответствует современной историографической ситуации, стремящейся отыскать «славянскую Атлантиду» на Северо-Западе России и в определенной мере отражающей ситуацию общественную. Она характеризуется попытками удревнить колонизацию региона славянами и возвести ее по крайней мере к третьей четверти I тыс. н. э., разведя во времени с проникновением скандинавов в Восточную Европу (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 417; Еремеев, 2015. С. 55; Platonova, 2016). Однако состояние источниковой базы, фиксирующей сегодня гораздо более динамичную и мозаичную картину развития местных культур третьей четверти I тыс. н. э., чем это казалось предшествующему поколению археологов, на наш взгляд, не позволяет рассчитывать на такие выводы, в том числе и в силу отсутствия формального сходства и преемства между культурными следами этой эпохи с достоверно славянскими культурными реалиями эпохи формирования Новгородской земли (см.: Musin, 2020).

Если хронологические рамки предыстории Городища остаются невыясненными, то его история определенно начинается со строительства укреплений, традиционно именуемых валом и рвом, трасса которых уточнилась за время исследований, несколько сместившись к северу (ср.: Носов, 1990. С. 152, рис. 59; Носов, Хвоцинская, 2018. С. 144, рис. 1; ср.: Носов, Хвоцинская, 2019а), хотя, возможно, укрепления представляли собой более сложную деревянно-земляную конструкцию (ср.: Носов, 2007. С. 35; Михайлов, 2010; 2012), возникшую, как возможно предположить после исследований 2015–2016 гг., с учетом рельефа местности. Появлению и существованию укреплений соответствует концентрация культурных признаков и социальных маркеров (скандинавская фибула типа Вальста, предположительно происходящая с Городища, достоверно найденные здесь четыре

² Ср. доклад ст. науч. сотр. ИИМК РАН канд. ист. наук И. И. Еремеева «Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013–2016 гг.» 31 октября 2019 г., Первый Петербургский международный исторический форум, секция «Историческая археология».

монеты императора Феофила [829–842 гг.], причем одна из них происходит из комплекса с лепной керамикой, милиарисий византийского императора Василия I [867–886 гг.] и медная «херсоно-византийская монета», относимая к его же правлению, возможно — печать домостика Льва из коллекции Н. П. Лихачева), приходящихся на вторую половину IX в. и фиксирующих меридиональный характер связей местной общины (Носов, 1990. С. 94, 101, 148; Амброзиани и др., 1994; Носов, Хвоцинская, 2004; Булгакова, 2010; Мусин, 2010а; Носов и др., 2012. С. 59, 60; Носов и др., 2017. С. 24, 25, 129, 256; ср. в целом верные наблюдения о хронологии хождения фолисов византийских императоров в Восточной Европе, не учитывающие, однако, специфику обращения «херсоно-византийских» монет: Шевцов, 2017; 2018). К этому времени можно отнести единичные закрытые поселенческие комплексы в центральной части Городища, в которых могут сочетаться лепная керамика и византийские фолисы (№ 23, 1981–1983 гг.; см.: Носов, 1990. С. 101).

Одним из важнейших инструментов в изучении дальнейшей истории Городища может стать «горизонтальная хронология» памятника, то есть установление времени жилого или производственного освоения различных топографических участков («кварталов») и их запустения, намеченная в исследованиях Е. Н. Носова.

Известно, что в 890-е гг. фортификационные сооружения, построенные лишь за треть столетия перед тем, утрачивают свои функции. В их южной части на заплывающем склоне рва возникает хозяйственная зона и появляются глинобитные хлебные печи. Всего на Городище известно восемь печей, из которых шесть были открыты в низине под южным склоном холма (пять — в 1977–1979 гг., одна — в 2018 г.), где в анаэробном слое сохранились деревянные конструкции, позволяющие датировать объекты с помощью дендрохронологического анализа; остатки еще двух печей без сохранившихся деревянных элементов были исследованы выше по склону холма в 2006–2010 гг. (Носов, 1990. С. 51–59; Носов и др., 2017. С. 13–14, 84–103; Носов, Хвоцинская, 2019б).

Существующая дендрощкала Городища (Черных, 1996. С. 92–97) позволяет заключить, что время возникновения самой ранней срубной постройки с печью, исследованной в 1977–1979 гг. — 90-е гг. IX в. (дендродаты 889, 896 и 897 гг.).

Сооружение обновляли в 905 г., после чего печь была заброшена, а участок временно опустел. Новый комплекс с печью по соседству возводился в 910-х гг., а для сооружения его деревянных конструкций использовались бревна с дендродатами 902–911 гг. (Носов, 1990. С. 51–55; Носов и др., 2017. С. 24). Как долго печь использовалась после этого — не ясно, однако она погибла в пожаре. Еще одна постройка с плетеными стенами и печью («печь в плетеном дворике»), открытая в те же годы на том же участке, строится из бревен, срубленных в 900–907 гг. (Носов, 1990. С. 57–58). Продолжительность ее функционирования установить затруднительно. Для сооружения обкладки еще одной печи, открытой на том же участке много позже, в 2018 г., использовались бревна 908 г.³ (ср.: Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 124). Все печи в 910-х гг. могли использоваться синхронно. Однако позднее, в 920–930-е гг., они, как кажется, не возобновлялись.

Во второй половине 1970-х гг. была исследована еще одна печь, которая функционировала позднее, будучи возведенной на месте старой «печи в плетеном дворике» после того, как здесь сформировался культурный слой. Для ее сооружения использовались бревна с датой 944 г. (см.: Черных, 1996. С. 95; ср.: Носов, 1990. С. 58; Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 123). В первые десятилетия после середины X в., когда «плетеного дворика» уже не существовало, на этом месте сооружается новая печь (Носов, 1990. С. 58). Позднее, в период 960-х гг. — 979 г., на этом участке вновь наблюдается запустение, засвидетельствованное развалами всех печей, которые уже не использовались (Горюнова, 2005. С. 90).

Однако примерно в то же время в 100 м к северу от печей у южного склона холма существовали еще две печи подобной конструкции, сооруженные на склоне рва. Развалы печей были исследованы в 2006–2010 гг. (кв. 93–94, 99; Носов и др., 2017. С. 99; ср.: Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 126–127). Стратиграфия комплексов может указывать на то, что печи возводились последовательно, однако одновременность их функционирования очевидна (Носов и др., 2017. С. 100, 101, рис. 39, 40, ил. 24, 25). Дата черного слоя, который связан с линзой разрушения этих печей, согласно наблюдениям В. М. Горюновой, основанным

³ Дендрохронологический анализ деревянных конструкций печи выполнен О. А. Тарабардиной.

на соотношении разных типов керамики, не выходит за пределы третьей четверти X в. Таким образом, время существования печей относится как раз к периоду запустения нижнего «печного квартала», когда керамические формы с вертикальным венчиком и валиком еще не появились в быту (ср.: Горюнова, 2005. С. 99). Впрочем, нельзя до конца исключить и некоторое смещение даты к последней трети X в., особенно для второй печи, которую предлагается датировать более широко — второй половиной X в.

Исследователи Рюрикова городища отмечают, что печи, сменявшие друг друга в конце IX — третьей четверти X в. и предназначенные для выпечки хлеба для большого коллектива, являются частью бытовой зарисовки жизни княжого двора и проживавшей здесь дружины (Носов, Хвоцинская, 2019б. С. 130). На данном этапе исследования возможно отметить некоторые особенности хронологии использования печей, нуждающиеся в интерпретации.

Прежде всего представляется, что можно вести речь о временном перерыве в возобновлении и даже функционировании ранних печей в 910–930-х гг. Это может объясняться как износом печей, так и ограничением производства в результате снижения активности жизни на поселении, последовавшего непосредственно за разрушением системы укреплений, которые уже в конце IX в. утратили свои оборонительные функции и более не возобновлялись.

Стоит обратить внимание и на смещение «печного квартала» к вершине холма в третьей четверти X в. Это могло быть связано с реструктуризацией топографии поселения или даже с сокращением его площади. Предположительно, прекращение использования печей в последней четверти X в. было связано с сокращением местной общины и/или изменением функции поселения и предшествовало периоду запустения Городища в XI в.

В уточнении хронологии Городища важную роль играют «стратиграфические раскопы» 1977–1979 гг. и 1997–2000 гг. у южного склона холма. Разделение зафиксированных здесь культурных отложений на пласты было предпринято в связи с изучением керамических типов, известных на поселении в X в. (см.: Горюнова, 2005. С. 90–94). Эти наблюдения подтверждают непрерывность использования этого участка поселения начиная с рубежа IX–X вв. до рубежа X–XI вв., что, на наш взгляд, не исключает разной степени поселенческой

активности в разные периоды. Так, 6-й пласт раскопа 1977–1979 гг. (рубеж IX–X вв. — 930-е гг.) представляется менее выраженным по своей материальной культуре, чем 5-й пласт (930/940—950 гг.). Не вдаваясь в детальную характеристику вещевого комплекса периода, связанного с пластом 6, отметим лишь немногочисленность представленных здесь керамических форм, а также тот факт, что его окончание характеризуется прекращением деятельности печей. Однако в эпоху формирования пласта 5, которая вновь не отмечена активным появлением новых типов керамики, на этом участке строятся мостки (после 931 г.) и обновляется уже известная нам печь (см.: Носов, 1990. С. 58; ср.: Носов и др., 2017. С. 231). После «первых десятилетий после середины X в.» (4-й пласт, 950–960-е гг. ?) наступает уже упоминавшееся запустение участка с печами, о котором речь шла выше, соответствующее 3-му пласту (960-е гг. — 979 г.)⁴. Если начало последующего периода, синхронного 2–1-м пластам (980-е гг. — конец X — начало XI в.), отмечено строительной активностью на этом участке (после 979 г.?) и появлением новых относительно многочисленных форм керамики, то его окончание вновь, судя по археологическому материалу, позволяет поставить вопрос о снижении активности и изменении характера жизнедеятельности на этом участке поселения.

Раскопы 1975, 1993–1996 и 1997–2003 гг., также стратифицируемые, не дают надежных оснований для датировки пластов (Горюнова, 2005. С. 91–94). Однако анализ археологических материалов раскопов на берегах Сиверсова канала (1993–1996 гг.), расположенных к югу и востоку от исследованных зон, дают в целом синхронную картину развития этих участков. Они начинают использоваться практически одновременно, в 920–930-е гг., а в 930-е гг. на одном из участков фиксируется строительство дома. Начало существования поселения на участках датируется на основании анализа лепной керамики и синхронизации

⁴ Дендродата 979 г. связана со столбом от сгоревшей постройки, впущенным в слой из верхних напластований. В силу этого она оказывается несколько условной, несмотря на наблюдение, что столб был вкопан «с уровня границы черного и коричневого слоев», связанных с границей пластов (Горюнова, 2005. С. 90, примечание 8). Однако в целом эта дата верифицируется наблюдениями за развитием керамического комплекса поселения, основанных на процентном соотношении типов керамики.

находок из нижнего горизонта культурного слоя (темно-коричневого гумуса) с материалами Старой Ладogi. Битрапециоидные с граненым пояском бусы, свинцовые пряслица, шарообразные и четырнадцатигранные хрустальные бусы и гребни II группы по типологии О. И. Давидан не встречены там ранее 930-х гг. (Носов и др., 2017. С. 176, 209, 213, 231, 240). Было бы логично предположить, что освоение соседних участков, исследованных на южном берегу Сиверсова канала в 1975, 1979 и 1980 гг., происходит в это же время, однако подтверждение этого предположения возможно лишь в процессе анализа выявленной здесь материальной культуры.

Интенсификация жизни на Городище в 930-е гг. предшествует его расцвету во второй половине X в. Этот процесс находит отражение в увеличении закрытых комплексов, в том числе ремесленных, хронология которых устанавливается по соотношению керамических материалов, и в находках многочисленных предметов скандинавской культуры, прежде всего фибул разных типов (овальные [например, JP-51], подковообразные с многогранными или спиральными головками), подвесок, в том числе и с рунической надписью, и предметов языческого культа (Янссон, 1999; Хвоцинская, 1999; 2007; Мусин, 2012; Дорофеева, 2016а; 2016б; Носов и др., 2017. С. 213, 235, 241).

В центральной части холма, ближе к Волхову, располагалась, очевидно, жилая зона. Раскопками 2011–2012 гг. здесь выявлена максимальная концентрация дирхамов по сравнению с другими участками Городища, свидетельствующая о высоком социально-экономическом статусе проживавших здесь лиц — носителей скандинавской материальной культуры (Носов и др., 2017. С. 126–129; ср.: Гомзин, 2018. С. 28–29).

К северо-востоку от нее, вблизи рва, с его внешней стороны, располагались ремесленные мастерские (Носов, Хвоцинская, 2010). Комплексы с исключительно лепной керамикой, которые можно отнести к первой трети X в., здесь единичны, хотя среди них встречаются достаточно выразительные следы северной культуры, например, почти полные комплекты глиняных грузил для вертикального ткацкого станка, но связанные с ними находки керамики нуждаются в дополнительном анализе (№ 72, 2005–2010 гг.; Носов и др., 2017. С. 75; ср.: Дорофеева, Михайлов, 2019).

Следы литейной мастерской, работавшей с оловянистыми сплавами и изготовлявшей трапецие-

видные подвески славянской традиции, были открыты вблизи рва под северным компартиментом церкви Благовещения Богородицы. Авторы раскопок отнесли появление мастерской к 920–930 гг., хотя основания для такой хронологии из предварительной публикации материалов неочевидны (Кудрявцев, Андриенко, 2018; 2019; ср.: Щеглова, 2009. Табл. II). Мастерские второй половины — последней четверти X в. в этой зоне, в том числе и бронзолитейные, датируются на основании соотношения находок фрагментов раннегончарной и кружальной керамики (Носов, Хвоцинская, 2010; Носов и др., 2017. С. 69–81, 153, 159, 160). Эта ремесленная активность маркирует пик жизни Городища накануне предстоящего запустения, развившегося в отсутствие материалов XI в.

Таким образом, в истории Городища середины IX — конца X в. можно выделить несколько этапов. После строительства укреплений в третьей четверти IX в. в конце того же столетия наблюдается снижение жизненной активности поселения, выразившееся, прежде всего, в деструкции оборонительных сооружений. Строительство печей в 890–910 гг. не противоречит этому наблюдению, а отражает, по нашему мнению, изменения социальных функций поселения. Если крепость, очевидно, служила средством политической репрезентации, то строительство печей отражало пребывание здесь крупного коллектива, обеспечивающего реальную политику взаимоотношений с местным населением. Однако тенденция, связанная с падением жизненной активности, начавшаяся с упадка фортификации, получила продолжение в 910–920 гг. в связи с прекращением деятельности печей. Этот период определенно соответствует перемещению политического центра Руси Рюриковичей в Среднее Поднепровье.

Со второй четверти X в. на Городище наблюдается экономический и культурный подъем, надежно фиксируемый освоением новых участков и богатой материальной культурой второй половины X в. Однако в последней четверти — конце этого столетия можно наблюдать разрушение хлебных печей. Это может указывать, на наш взгляд, на численное сокращение общины, что предшествовало последующему упадку и запустению всего поселения. Материалов XI в., вплоть до конца этого столетия, на Городище практически не обнаружено.

Одновременно свидетельства активного развития жизни на поселении во второй четверти —

конце X в., как кажется, исключают «размыв городищенского холма» и переселение его обитателей на территорию будущего Новгорода в это время в соответствии с расхожими мнениями, циркулирующими в историографии. Однако именно в этом столетии между Городищем и формирующимися поселками на месте Новгорода, по нашему мнению, возникают стабильные социально-политические отношения.

Прежде всего, выделяемые нами этапы жизни на Городище хорошо синхронизируются с историей Новгорода, известной по данным археологии. Начавшаяся не позднее 930-х гг. новая жизнь Городища совпадает с возникновением поселений на левом берегу Волхова. Именно в 930–940-е гг. первые постройки, датированные дендрохронологически, появляются практически одновременно как на месте Неревского и Людина концов, так и на Софийском холме будущего кремля, где первые конструкции относятся не к 960-м гг., как полагали раньше, а к 940-м (*Урьева, Черных, 1995; Фараджева и др., 2014; Тарабардина, 2018*).

Более того, несмотря на невозможность анализа материалов из раскопок 1938–1940 гг. в южной части кремля, есть все основания полагать, что поселение здесь также появляется ко второй половине X в., как и на соседних участках вдоль реки. На одновременность освоения южной части кремля и территории, исследованной на Троицком раскопе, в свое время указал А. В. Плохов, выявивший в коллекции Новгородского государственного музея лепной ребристый горшок с остатками смолистого вещества, уверенно идентифицируемый с одной из находок, описанной авторами раскопок тех лет. Эта находка, как и фрагменты лепной керамики, обнаруженные во время исследований между Покровской и Златоустовской башнями кремля, определенно относятся к указанному времени (*Плохов, 2009. С. 420, 423, рис. 9, 1, 3; ср.: Строков, Богусевич, 1940. С. 16; см. также: Гусаков, 1992. С. 12*).

Дополнительно в качестве своеобразного хронологического индикатора может быть использована находка кожаного кошелька с набором из 20 гирек, миниатюрными бронзовыми чашками для весов диаметром 45 мм и бронзовой имитацией дирхама Ахмада II ибн Исмаила (907–914), происходящая из-под уличного или дворового настила. Набор артефактов считался характерным для первой половины XI в. (*Строков и др., 1939. С. 15; Монгайт, 1951. С. 134; Трояновский и*

др., 2003), однако мнение о его более ранней датировке второй половиной — концом X в. (*Янин, 1956. С. 174–176*) недавно получило дополнительное подтверждение. Миниатюрные чашки весов в надежно датированных комплексах после рубежа X–XI в. до сих пор не встречены (*Жуковский, 2017. С. 151–154*). Это наблюдение может косвенно указать на время депозиции комплекса и подчеркивает связь местных жителей с культурными реалиями второй половины X в.

Новый расцвет жизни на Городище и появление Новгорода в 930-е гг. происходят одновременно с прекращением жизни на некоторых поселениях будущей Новгородской земли — Городок на Маяте, городище на Сяси, агломерация при слиянии рек Мста и Белая, Передольский погост (*Еремеев, Дзюба, 2010. С. 417; Богуславский, 2003/2004; Носов, Конецкий, 1995; Платонова и др., 2007*), а также с появлением новых: например, Городка на Ловати и Городка на Шелони (*Плохов, Торопов, 2013; Горюнова, 2016*). Таким образом, перед нами эпизоды глобального процесса, связанного, как можно предположить, с формированием «империи Рюриковичей» на территории будущей Новгородской земли. Каково место формирующегося Новгорода и роль возрождающегося Городища в этих событиях?

Для верного понимания взаимоотношений Новгорода и Городища в X в. стоит пересмотреть некоторые стереотипы новгородской историографии. Здесь известен ряд гипотез, так или иначе влияющих на построения историков. Среди них возникновение Новгорода в 950-х гг. в связи с политической деятельностью княгини Ольги, изначальная оппозиция княжеского Городища и боярского Новгорода, выросшего из поселков славянской племенной аристократии, экстерриториальность князя и его двора по отношению к городу и детинцу или же, наоборот, безраздельная власть князя на городом и его жителями на основе княжого права, обязательность мощных укреплений для княжеской резиденции, магия имени князя Ярослава в судьбе княжого двора... Современный этап изучения Новгорода связан с утверждением новых подходов к социальной истории и топографии города, основанных на переоценке как роли местных общин, так и княжеской власти в этих процессах.

Стоит обратить внимание на тот факт, что археологические исследования выявили на северном и южном холмах будущего кремля вполне

бытовой характер культурных напластований второй половины X в. Однако в конце X — начале XI в. при активном участии княжеской власти здесь появляются городской собор, епископская резиденция и княжеская крепость. Это определенно свидетельствует о праве князя распоряжаться этими рельефными доминантами и заставляет нас заново поставить вопрос о связи территории будущего кремля с княжеской властью в Новгороде и даже шире — о роли князя в возникновении Новгорода.

Сегодня гипотезе В. Л. Янина об изначально боярском Новгороде — главном городском центре на земле словенских патронимий, который формировался в условиях отсутствия на его территории княжеской резиденции (Янин, 1982а; ср.: Флоря, 2012. С. 3, 9; ср.: Флоря, 2015), противостоит теория «княжого права» (ср.: Пресняков, 1993. С. 399–404), согласно которой высшая власть в Новгороде X в. принадлежала киевским князьям на том основании, что народная инициатива и «племенные» собрания не всегда упоминаются летописью в связи со сменой княжеской власти (Лукин, 2014. С. 60, 69, 70).

Несмотря на, казалось бы, новое звучание дискуссии, она продолжает определяться антагонизмом княжеской и земской теорий происхождения Российского государства. Обе теории основываются на славянской идентичности местного населения, даже если термин «племя» сегодня принято брать в кавычки. Не задаваясь вопросом об изначальном характере отношений между жителями Ильменского Поозерья и Рюриком, которые, согласно летописи, основывались на договоре, отметим, что среди первопоселенцев Новгорода уже в 930-х гг. определенно были лица, практиковавшие скандинавские языческие культы (Мусин, Тарабардина, 2019). В них вряд ли стоит видеть славянских прозелитов. Возникшая здесь раннегородская община не может быть идентифицирована со славинией. Ее отношения с князем выходили за рамки традиции и определялись не идентичностью, а системой ценностей, складывавшейся в процессе возникновения и развития нового социума.

К таким ценностям определенно относились мир и правда, занимавшие важное место в летописании. Параллельное существование Новгорода и Городища на протяжении большей части X в. могло свидетельствовать о потребности раннегородской общины в князе как гаранте суда и защиты

(ср.: Мусин, Тарабардина, 2019. С. 778; Петрухин, 2018. С. 464, 469–470), а отнюдь не о создании княжеской властью нового поселения для своих подданных. Это не позволяет утверждать изначальность княжеского суверенитета или княжеской собственности, о которой мы имеем самые смутные представления, на территории новых поселений. И то и другое складывалось постепенно. Исторический процесс предполагал взаимное согласование интересов. В силу этого формирование и функционирование власти князя в раннем средневековье следует признать в значительной степени ситуативными.

Обратимся к исторической памяти, зафиксированной в летописи, и материальным свидетельствам. На северном холме оборонительные сооружения, связанные с князем, определенно появляются лишь в 1040-х гг., в чем согласуются письменные и археологические данные (Воронова, 1988; Трояновский и др., 1997). Впрочем, недавно появилась гипотеза о существовании здесь укреплений уже в конце X в., возникшая на основе предварительной интерпретации ограниченных по характеру материалов из траншеи у Федоровской башни на западном склоне кремлевского холма (2013 г.) и шурфов у Владимирской башни и Пречистенской арки (2015 г.) (Олейников, 2014; 2017а; Олейников, Долгих, 2015; 2016; 2018; отметим, что полевой отчет — основной источник археологической информации об этих исследованиях — был написан значительно позднее рождения гипотезы, см.: Олейников, 2017б). После остроумной критики Е. Н. Носова, отметившего, что в этих интерпретациях «выводы, навеянные раскопками, не увязываются в единое целое», в то время как археологическая информация, опровергающая «навеянное», сознательно замалчивается, эти попытки были оставлены (Носов, 2017. С. 117–118; Носов и др., 2017. С. 30–31; ср.: Родионова, Антипов, 2018).

Известны и другие гипотезы, помещавшие ранние деревянно-земляные фортификации, древний торг и центр политической жизни раннего города на южном холме (подробнее о них см.: Трояновский, 1995). Похоже, сегодня они имеют исключительно историографическое значение, тогда как их авторы могли вдохновляться сомнительным известием летописца о существовании здесь деревянного Софийского собора 988–1045 гг. (см., например: Сивак, 1992; Гордиенко, 2018; см. дискуссию: Мусин, 2010в; 2016. С. 48–49).

О существовании древнейшего торгового центра в южной части детинца писал А. И. Семенов, опираясь сначала на данные писцовых книг XVI в., а затем на материалы раскопок 1938 г. (Семенов, 1936; 1958; 1959), однако основания для подобных выводов неочевидны. Непонятно, что имело в виду старшее поколение исследователей — С. Н. Орлов, А. В. Воробьев и М. Х. Алешковский, упоминая в своих работах о существовании на южном холме «следов древнейшего крепостного вала» или даже «мощного земляного вала с примитивными конструкциями из дерева» (Орлов, Воробьев, 1959. С. 5; Алешковский, 1962. С. 14–15; Орлов, 1965. С. 6)⁵. Представляется, что эту информацию невозможно использовать для исторической реконструкции без серьезной археологической верификации на современном уровне полевых исследований.

Таким образом, выход «на политическую сцену» южной части холма вторичен по отношению к северному холму как хронологически, так и социально. «Политическая сцена» Новгорода, безусловно, находилась на северном холме. Напомним, что Е. Н. Носов считал, что это соотносится с последней четвертью X в., а именно с основанием здесь владычного двора и строительством Софийского собора в 989 г. (см.: Носов, 1995. С. 3–17; Носов и др., 2017. С. 29). Уже здесь заметим, что парадоксальным образом обе даты — 975–1000 гг. и 989 г. — могут оказаться верными.

Как мы уже предположили, передавая северный холм в церковное управление и создавая здесь епископский квартал в конце 980-х — начале 990-х гг., князь обладал правами на эту городскую территорию. Такие права на северный и южный кремлевские холмы подтверждаются строительством здесь крепости в 1044 и 1116 гг., инициатива которого вновь принадлежала князю (НПЛ, 1950. С. 181, 204). Особый статус этой зоны прослеживается и в XIV–XVI вв. Как нам удалось установить, часть городской территории, известная в 1339–1535 гг. как Околоток, являлась

окологой Софийского холма, охватывая как южный холм, так и всю территорию вокруг кремля (Мусин, 2003; 2009).

Для правильного понимания статуса Околотка важно свидетельство Софийской II летописи. Во время похода на Новгород в 1478 г. московский князь требует от новгородцев очистить для своих нужд Ярославов двор. В результате переговоров новгородцы признают княжеское право не только на дворце, но и на Околоток, как изначально связанные с княжеской юрисдикцией городские территории («... тот, господине, двор наших государей великих князей, хотят тот свой двор взяти, ино пред Богом и пред ними; а захотят государи наши и в околотке взяти место против своего того двора, ино, господине, пред ними»; ср.: Софийский временник, 1821. С. 195). Очевидно, княжий двор не столько появляется, сколько возрождается в южной части детинца в 1478 г., а «великокняжеская половина» кремля, известная в XVI в. (Майков, 1911. С. 212), имеет, судя по всему, весьма почтенную историю, восходящую к реалиям второй половины X в., что, как кажется, почувствовал В. А. Буров (Буров, 1988).

Таким образом, причина выделения Околотка в самостоятельную градообразующую единицу должна объясняться его особым общественно-политическим статусом, а именно княжеской юрисдикцией над северным и южным холмами левого берега Волхова. Очевидно, эта зона, в северной части которой впоследствии возникает религиозный центр Новгорода, наряду с протогородскими поселками 930–940-х гг. на месте будущих Людина и Неревского концов, могла быть одним из элементов будущего города.

Теперь, следуя исследовательским принципам Е. Н. Носова, обратимся от известного к неизвестному. Если князь уже в 988–989 гг. обладал правами на северный холм, жизнь на котором начинается в 940–950-е гг., то когда конкретно он становится здесь хозяином?

В свое время В. Л. Янин предположил, что Софийский собор сменил главное языческое капище Новгорода, а предшественником христианского епископата здесь было языческое жречество. Однако известное из летописи установление Добрыней идола Перуна в Новгороде в 980 г. исследователь связывал с Перынью в истоках Волхова, где появился новый княжеский языческий центр (Янин, Алешковский, 1971. С. 30; Янин, 1982а. С. 88). По его мнению, княжеский культ, как и

⁵ Е. Н. Носов не упоминает эту информацию даже в качестве историографического мнения (ср.: Носов, 1995. С. 6–7). Стоит вспомнить и о том, что А. Л. Монгайт был убежден, что в 1941 г. в северной части детинца был открыт ранний «глиняный вал» (Монгайт, 1952. С. 8), так и не обнаруженный М. Х. Алешковским во время исследований 1971 г. (Алешковский, 1971. С. 1–3). Впрочем, слой глины был зафиксирован во время исследований церкви Входа Господня в Иерусалим 2010–2012 гг. (Антипов и др., 2011; 2012; 2013).

княжеская власть, противостоял в Новгороде верованиям славянской аристократии. Е. Н. Носов также считал, что Перун был поставлен именно в Перыни, придавая тем самым старому святилищу новый статус, однако сомневался, что на месте Софийского собора существовало капище (Носов, 1984. С. 17; Носов и др., 2017. С. 19).

Содержание религиозной реформы 980 г. принято сводить к созданию общегосударственного пантеона в целях укрепления общественных связей молодого государства (ср.: Аничков, 1914. С. 320; Греков, 1953. С. 476). Однако с учетом исторической памяти о сооружении в Киеве пантеона «вне двора теремного», зафиксированной в летописи (ПСРЛ, 1908. Стб. 79; 2001. С. 67), есть основания полагать, что учреждение капища вне территории княжого двора было попыткой сделать княжеский культ общественным.

В то же время Перынь предстает перед нами как достаточно древний культовый центр, связанный со славянскими поселениями Поозерья и находившийся в «треугольнике» княжеских владений, крайними точками которого были Ракома, Городище и место будущего Юрьева монастыря. Установка идола Перуна именно здесь противоречила бы сути языческой реформы 980 г. Место для нового капища стоило искать непосредственно на территории города, где кумир действительно стоял бы «вне двора теремного» «над рекою Волхов» (ПСРЛ, 1908. Стб. 79; 2001. С. 67).

Наиболее подходящим местом для общегородского святилища, как представляется, мог стать северный холм на левом берегу Волхова, где спустя 10 лет появляется новый общерелигиозный центр христианского города. Наличие культурного слоя непосредственно под Софийским собором (об исследованиях 1999–2000 гг. см.: Седов, 2001; 2002. С. 40–41), как и деревянных построек на холме, не исключает возможности появления в какой-либо из его частей культового центра. Похоже, что князь обладал правами на этот холм не только в 988 г., но и в 980 г.

Для того чтобы уточнить время возникновения этих прав, обратимся к известиям летописи о Новгороде второй половины X в. Мы располагаем лишь четырьмя связанными друг с другом эпизодами: появление в Новгороде молодого князя Владимира, упоминаемое летописью под 970 г., его бегство из города (под 977 г.) после убийства Олега Ярополком, возвращение князя в Новгород с варягами и изгнание посадников Ярополка,

«посаждение» в Новгороде Добрыни и установление идола Перуна «над рекою Волховом» (под 980 г.) (ПСРЛ, 1908, Стб. 57, 63, 67; 2001. С. 69, 75, 79).

Представляется, что стоит вновь обратиться к обстоятельствам появления молодого княжича в Новгороде как к исторической памяти новгородского (или киевского?) общества (дискуссию см.: Истрин, 1921. С. 54–55; Михеев, 2011. С. 107), сохраненной летописью. Несмотря на то что здесь присутствуют нарративная схема, известная уже в истории призвания варягов (инициатива «людей новгородских», право призвания, угроза найти себе правителя вне рода Святослава), и фольклорные мотивы (отказ двух старших братьев, отправление в Новгород младшего сына), в целом история выглядит достоверно. Поселение на берегах Волхова, как и его обитатели — летописный Новгород и люди новгородские — в 970-х гг. были вполне реальны, а нежелание старших Святославичей отправляться на север стоит объяснять «меридиоцентризмом» политики Руси, в которой Новгород не мог играть важной роли. В этих условиях, в полном соответствии со словами князя Святослава — «тыи/вото/ото вы есть», обращенными к новгородским послам, отсутствующими в Ипатьевской летописи, молодой княжич, попадая в Новгород, начинал «принадлежать» новгородцам: «пояша новгородцы Владимира к себе» (ср. события 1102 г., когда новгородцы, во время переговоров со Святополком ссылавшиеся на то, что они «оускормили собѣ княза», «поемьше Мъстислава поидоша Новугороду»; см.: ПСРЛ, 1908. Стб. 251; 2001. С. 276).

Добавим, что интересный комментарий эмблематического характера к этим событиям, способный подтвердить наши наблюдения о тесной связи князя Владимира и новгородцев, был предложен С. В. Белецким. Так, костяная подвеска со знаками Рюриковичей, найденная в 1980 г. на Троицком V раскопе и отнесенная В. Л. Яниным к 26-му ярусу (954–973 гг.), имела на одной стороне трезубец, а на другой — двузубец, позднее переделанный в трезубец. Если трезубец был знаком князя Владимира, то родовым двузубцем пользовался его старший брат Ярополк, сменивший князя Святослава. Предположительно чиновник — владелец подвески, бывший изначально представителем обоих братьев, впоследствии, но еще в начале княжения Ярополка, поддерживал исключительно Владимира, о чем свидетельствует замена двузубца на трезубец (Белецкий, 2000. С. 391–392, рис. 19, 1; ср. Янин, 1982б. С. 149,

рис. 8; впрочем, точные координаты находки, первоначально отнесенной к 27-му ярусу (22-й пласт), установить затруднительно, что делает менее надежным ее стратиграфическую датировку, см.: Янин и др., 1981. С. 56–60, рис. 37).

Допустимая на основании анализа источников тесная связь «людей новгородских» с Владимиром и его дядей Добрыней, по совету которого новгородцы соглашались принять у себя княжича и который в 980 г. стал его посадником в Новгороде, заставляет задуматься, каково было пространство княжеской юрисдикции на территории города и где именно находилась резиденция князя в 970–980-е гг.

Представляется, что идея пребывания княжича на Городище и отправления именно здесь власти и суда входит в противоречие с общественно-политической ситуацией в Новгороде 970-х гг., насколько она доступна нашему пониманию. Появление Владимира в Новгороде предполагало его непосредственную вовлеченность в городскую жизнь. В принципе его резиденция как раз могла разместиться на северном холме будущего детинца среди протогородских поселков левого берега Волхова. По данным археологических исследований, новые постройки продолжают появляться здесь и в 970-е гг. Одновременно княжеские усадьбы могли возникнуть и на правом берегу Волхова, близ Торга, в целях контроля городского рынка⁶. Известно, что застройка появляется на этом участке именно в 970-е гг. (Колчин, Хорошев, 1978).

Это предположение синхронизируется и с историей Городища. Именно для последней четверти X в. можно предположить некоторый спад поселенческой активности на городищенском холме, выразившийся в прекращении функционирования хлебных печей. Княжий двор и дружина, собственно киевская русь, в это время могли переместиться с городищенского холма на территорию Новгорода. Само Городище не утратило своих поселенческих функций и продолжало оставаться местом обитания прибывавших в Новгород скандинавов, собственно варягов, что не исключало их появления и на усадьбах будущих Людина и Неревского концов (об этом см.: Мусин, Тарабардина, 2019).

⁶ Интересно, что приведенное у В. Н. Татищева сообщение Иоакимовской летописи о крещении Новгорода помещает дом Добрыни именно на Торговой стороне (см.: Татищев, 1994. С. 112–113).

Таким образом, уже в третьей четверти X в. *jus ducalis* определенно распространялось на некоторые кварталы Новгорода. Княжеские владения, возможно, в виде комплекса укрепленных городских усадеб, первоначально могли разместиться на обоих берегах Волхова. Перенос резиденции был способен повлечь за собой и перенесение топонима Новый город (изначально — город Рюрика), который впоследствии закрепился за урбанистическим поселением на берегах Волхова.

Однако в 980 г., в связи с реформой княжеского культа, встал вопрос о месте нового городского святилища. Наиболее подходящим местом оказалась пространство, как раз занимаемое тогда князем на северном холме. Именно здесь, согласно нашему предположению, мог быть поставлен идол Перуна, а через восемь лет появляются резиденция епископа и городская церковь. В этих условиях княжий двор в 980-х гг. окончательно закрепляется на правом берегу Волхова, где его и фиксирует письменная традиция.

Этой гипотезе, казалось бы, противоречит традиция связывать дворище на Торгу с именем князя Ярослава Владимировича. Такая связь воспринимается исследователями как однозначное указание на основание двора именно этим князем в начале XI в. Однако напомним, что некоторое время назад А. Н. Сорокин призвал исследователей «методологически разделить проблему появления княжого двора в Новгороде и закрепление за ним название “Ярославово дворище”» (Сорокин, 2009. С. 548). Действительно, перед нами не «уставная грамота», а явление исторической памяти, фиксирующей самые яркие моменты прошлого, к каковым, безусловно, относилось и княжение Ярослава в Новгороде. С тех пор дворище осталось в памяти Ярославовым, хотя его основание могло относиться к до-Ярославоу времени. Напомним, что «ярославовыми» в Новгороде оказывается целый ряд исторических артефактов, например, «грамоты Ярославле» 1229–1230 гг. (НПЛ, 1950. С. 67, 68, 70; дискуссию см.: Лимон, 2018), маркирующих знаковые события в судьбе города. Естественно, появление двора на Торгу именно в XI в. хорошо соотносится с запустением Городища, приходившимся на большую часть этого столетия, однако стоит заметить, что это запустение не носило глобального характера, поскольку здесь определенно зафиксированы закрытые комплексы, датируемые на основании керамических материалов первой половиной XI в.

(комплекс № 9; см.: Горюнова, 2005. С. 96–97; ср.: Носов, 1990. С. 97).

Этот процесс, приведший к затуханию жизни на Городище, мог начаться уже в последней четверти X в. — именно в то время, когда, согласно нашему предположению, здесь прекращают функционировать хлебные печи и князь Владимир переносит княжий двор на берега Волхова. Стоит добавить, что недавно появление «Ярославова дворища» в Новгороде «до Ярослава» имплицитно допустил В. Я. Петрухин. Он предположил проведение князем Владимиром глобальной реформы управления на Руси, осуществленной после 988 г., в результате которой власть в крупных городах перешла от посадников к княжеским сыновьям, что и привело к упадку Гнёздова, Городища и других связанных с князем поселений X в., которые исследователь называет «погостами» (Петрухин, 2018. С. 471). Власть в Новгороде первоначально получает Вышеслав, при котором, очевидно, княжий двор и дружина расположились в городе, а не на Городище, а основной политической силой стали горожане, а не варяги. В этой ситуации Ярослав, сменивший Вышеслава после смерти последнего, просто унаследовал княжий двор, появившийся в Новгороде задолго до его правления. Впрочем, исследователь не задается вопросом, почему в таком случае дворище оказывается «Ярославовом», а не «Вышеславовом», ответ на который, по нашему мнению, очевиден.

Дабы убедить читателя в правильности предлагаемой гипотезы, обратимся к доступной нам историко-археологической информации о локализации и возможной хронологии княжого двора на Торговой стороне Новгорода. Деревянные конструкции, выявленные в 1947–1948 гг. к западу от Никольского собора, получили различные интерпретации. Их рассматривали либо как часть княжеского терема, построенного Ярославом Мудрым (Арциховский, 1950. С. 7), либо как остатки северной ограды княжого двора (Колчин, Янин, 1982. С. 17). Однако повторное обращение к археологическим материалам с учетом исследований 2007–2014 гг. позволило окончательно установить, что на территории дворища нет внятных слоев эпох, предшествующих XV в. (Тарабардина, 2015а; 2015б). Это не позволяет надежно установить топографию квартала до и после строительства Николо-Дворищенского собора в 1113 г.

Такое состояние культурного слоя позволило некоторым исследователям подчеркивать, что

на месте княжого двора отсутствуют комплексы X–XI вв., а самого двора до XII в. либо не было, либо он не имел существенного значения. Двор, возникнув, возможно, лишь при князе Мстиславе Владимировиче, окончательно складывается во второй половине XII в. в период княжения в Новгороде трех князей с именем Ярослав: Ярослав Изяславич (1148–1154), Ярослав Мстиславич (1176–1177) и Ярослав Владимирович (1181–1184, 1187–1199) (Сорокин, 2009. С. 548–550).

Таким образом, как хронология, так и локализация двора в настоящее время не может быть окончательно установлена. Анализ письменных источников позволил В. Ф. Андрееву предположить, что княжой двор простирался на юго-восток от Никольского собора и церкви св. Прокопия к церкви св. Михаила Архангела, его северная граница пролегла южнее Большой Пробойной (Славной) улицы, проходившей с востока на запад между церквями Успения Богородицы и св. Параскевы Пятницы, с запада и юго-запада он был ограничен церквями свт. Николая, свв. Жен Мироносиц, св. Прокопия и Святых Отцов, с юга — Михайловой улицей и Готским двором, с востока — церквями св. Михаила Архангела, Благовещения Богородицы и Иоанна Крестителя у Немецкого двора, тогда как сам княжеский терем мог находиться в районе современного перекрестка Большой Московской и Никольской улиц (Андреев, 1984. С. 122, 125, 126).

Как мы видим, в истории этой локализации важную роль играло местоположение церквей, которые в письменных источниках обозначены как стоящие «на княжем дворе» или «на дворище». К ним относится и церковь свв. Отцов I Вселенского собора, впервые упомянутая в 1182 г. (НПЛ, 1950. С. 37, 227). Однако церковь возникла много раньше, поскольку она должна была входить в число 10 церквей, сгоревших в 1134 г. (Там же. С. 28). Предположительно церковь «Святые Отцы на дворище» была одним из древнейших храмов княжеской резиденции, возникшим, скорее всего, до 1113 г. (Мусин, 2002а. С. 275–277).

Храм располагался на Отцовской улке (Майков, 1911. С. 234–235). Местоположение улки на современном плане Новгорода довольно условно. С. Н. Орлов помещал ее в направлении от берега Волхова до Пробойной-Михайловской улицы, между Витковой улицей с юга и Железной улкой с севера (Орлов, 1964. С. 284, рис. 2, 36–36). В соответствии с локализацией улки церковь размещали

к юго-западу от современного перекрестка Большой Московской и Никольской улиц. Однако предположение А. И. Семенова, который реконструировал трассу улки как идущую от излучины Волхова в сторону Николо-Дворищенского собора, представляется предпочтительным (Семенов, 1959. С. 60–64). В этом случае церковь определенно находилась дальше к юго-западу, вероятно, ближе к Арсениевскому монастырю, возникшему во второй половине XVI в. Этот храм мог отмечать въезд в княжий двор со стороны Волхова, где располагалась пристань «княжого берега» (ср.: НПЛ, 1950. С. 397, 425).

Такое положение церкви соответствует и наиболее надежной реконструкции палеорельфа Новгорода, согласно которой главный холм Торговой стороны находился в районе Николо-Дворищенского собора, то есть непосредственно на территории княжого двора (Петров, 2015; ср. другие варианты: Петров, Трояновский, 1997; Петрова и др., 1999). В этом случае церковь свт. Николая и церковь свв. Отцов надежно маркировали идущую снизу вверх главную артерию Дворища, частью которой и была Отцовская улка. Эта трасса указывает на генеральное развитие территории княжого двора: с юго-запада на северо-восток, тогда как кварталы к юго-востоку от церкви свт. Николая теоретически должны были находиться за его пределами.

Именно в этих направлениях — к юго-востоку и северу от Дворищенского холма — и начинается в последней четверти X в. развиваться застройка Торговой стороны (ср.: Петров, Тарабардина, 2011; 2017; 2020). Если ранние материалы Буяного (Лубяницкого) раскопа к северу от собора относятся к рубежу X–XI вв. (Хорошев, 1978), то древнейшие напластования Михайловского раскопа, усадьбы которого находились к востоку от княжого двора, датированы 974 г. (Колчин, Хорошев, 1978), хотя состояние полевой, отчетной и камеральной документации не позволяет в настоящее время проверить безусловность этой хронологии. Представляется, что основным импульсом освоения Торговой стороны и формирования здесь жилой застройки как раз и было появление княжого двора на Дворищенском холме в 970–980-е гг.

Дополнительно в появлении княжого двора во второй половине X в. в районе Дворищенского холма нас способно убедить недавнее открытие остатков моста на ряжевых срубных опорах, который соединял Дворище, собственно — Торг, и левый берег Волхова в районе южного кремлевского

холма. Существующие публикации предварительных результатов радиоуглеродного датирования этого сооружения, предпринятого в разных лабораториях, относят его возникновение к середине — третьей четверти X в., а существование — ко второй половине X в. (средняя калиброванная дата образцов из сруба — конец второй четверти X в., дата дубовых бревен у основания сруба — конец третьей — начало четвертой четверти X в., еще три образца показали калиброванные даты начала третьей четверти X в., хотя другие два образца в той же лаборатории были отнесены к началу XII в.; см.: Степанов и др., 2020. С. 73; Степанов, 2020. С. 139), что нуждается в осмыслении, уточнении и подтверждении независимыми археологическими материалами и дендрохронологическими исследованиями. Однако появление волховского моста, впервые упомянутого в летописи под 1133 г. (НПЛ, 1950. С. 23), именно во второй половине X в., на начальном этапе развития города, представляется вполне логичным. Княжий двор и волховский мост как элементы раннегородской структуры выполняли функции пространственной и социальной коммуникации, объединяя протгородские поселки в единый организм — Новгород. Стоит предположить, что в то же время прокладывается и дорога от Городища к Торгу, предшествующая трассе улицы Славной, которая проходила к северу от Никольского собора в направлении берега Волхова — как раз в направлении древнейшего моста на левый берег Волхова. Появление объединяющих городское пространство элементов, связанных с местами концентрации княжеской власти — двором и Городищем, способно подчеркнуть важную роль князя в этом процессе.

Приоритетное развитие поселений на левом берегу должно объясняться существованием здесь более возвышенной местности, тогда как Торговая сторона с ее сложным рельефом осваивается позднее. Однако именно появление здесь княжого двора приводит к ее развитию начиная с конца X в. Временная разница в освоении различных участков на протяжении XI в. (дворы, исследованные на Нутном и Дубошином раскопах, — первая половина XI в., усадьбы Федоровского и Ильинского раскопов — вторая половина — конец XI в.) непосредственно связана с многочисленными понижениями и заболоченными пространствами (см.: Петров, Тарабардина, 2011; 2017; 2020). Вместе с тем появление здесь стандартной застройки в виде небольших по размеру

усадеб (Петров, Сорокин, 1997) и отдельных скандинавских предметов XI в. (Мусин, Тарабардина, 2019) может свидетельствовать об освоении этой территории населением, связанным с князем и входившим в сотенную организацию (об этом см.: Буров, 1987, 1989. С. 31; ср.: Янин, 1981), что также подтверждается характером материальной культуры и частой сменой населения усадеб (Мусин, 2002а. С. 443–446). В результате здесь на протяжении XI–XIII вв. к северу и к востоку от Дворищенского холма формируется крупнейший «внекончанский посад» (Дубровин, 2007; 2010; 2016. С. 7).

Впрочем, для размещения здесь Паромонья двора как корпоративной резиденции скандинавов, как кажется, нет оснований. Топография элементов северной культуры, выявленная в процессе археологических исследований Новгорода, свидетельствует, что скандинавы свободно расселялись по территории города (Мусин, Тарабардина, 2019; см. также: Жуковский, 2018; Точилова, 2015; Tochilova, 2018; ср.: Михеев, 2019). Добавим, что некоторые гипотезы выносят этот двор за пределы Новгорода и располагают его в связи с паромной переправой напротив Городища, где находился Славенский перевоз и начинался путь к княжескому селу Ракома (Сорокин, 2019; ср.: Клейбер, 1959а. С. 120, 123; 1959б. С. 132).

Итак, гипотеза о появлении княжого двора на правом берегу Волхова в районе Торга на Дворищенском холме не позднее 980-х гг. способна объяснить развитие Торговой стороны начиная с конца X в. Однако она не позволяет нам пролить свет на раннюю историю Славенского холма и возможную миграцию топонима *Холмъград* с его последующим превращением в скандинавский *Hólmgarðr*. Представляется, что такой трансфер не мог быть связан лишь с появлением здесь княжеской резиденции.

Традиционно считается, что на Славенском холме ранние следы заселения не зафиксированы (Арциховский, 1949). В конце XI в. на месте каменной церкви св. пророка Ильи находилось кладбище, связанное, предположительно, с предшествующим деревянным храмом, возникшим здесь уже в 1030-е гг. (Мусин, 2016. С. 38, 73–74), хотя авторы раскопок склонны датировать некрополь второй половиной XI в. (Антипов, Жервэ, 2018. С. 58; 2019. С. 109). Однако в 150 м к северу от церкви на Холме на Посольском раскопе 2008 г. в заполнении материковых ям зафиксирована лепная керамика со слабовыраженным ребром и

округлым туловом, а также неудачная отливка круглой скандинавской фибулы типа IV, которую автор исследований датировал X — первой половиной XI в. (Петров, 2009. С. 82, рис. 3, 4).

Очевидно, перед нами следы окраинной хозяйственной зоны основного поселения, располагавшегося несколько южнее, ближе к церквям на Холме, и возникшего, если основываться на факте обнаружения здесь лепной посуды, не позднее первой трети X в. Данные палеорельефа свидетельствуют, что сам Холм в южной части Славенского конца простирался с юга на север и затем на северо-восток, параллельно низине, вдоль будущего Тарасовца (Петров, 2015; ср. локализацию Холма, основанную на безусловном доверии к современному городскому рельефу в работе: Несин, 2017. С. 3).

Однако главный холм Торговой стороны был связан с Дворищем. Еще в 1947–1948 гг. западнее гридницы, на небольшой площади в юго-западной части раскопа, то есть ближе к Волхову, был открыт слой с лепной керамикой, которую автор исследований относил к IX и даже к VIII в. (Арциховский, 1950. С. 8). Поскольку эта керамика не стала предметом исследования и публикации, то, строго говоря, она может не иметь отношения к средневековью, поскольку на Дворище зафиксированы древности раннего железного века и предшествующих эпох (ср.: Хорошев и др., 2010; Андриенко и др., 2015). Однако связь этого керамического комплекса с ранним средневековьем представляется более чем вероятной.

Складывается обоснованное впечатление, что поселения на холмах Торговой стороны, скорее всего, существовали уже в первой трети — первой половине X в., во всяком случае не позже, чем появляются поселки будущей Софийской стороны. Известная из летописи оппозиция «Холм — Подол» могла возникнуть на правом берегу Волхова в достаточно раннее время, хотя ее фиксация в городской топографии относится к XIII в. (спорную локализацию Подола см.: Несин, 2018). На сегодняшний день эти поселения представлены исключительно комплексами лепной керамики. Такая археологическая картина может объясняться целым рядом факторов: характером самих поселений, доступностью для исследования лишь периферийных зон, особенностями формирования культурного слоя на этих участках или их активным хозяйственным переустройством в средневековье.

Таким образом, если миграция топонима *Холмъград* с городищенского холма на холмы

(холм?) Торговой стороны и имела место, в соответствии с лингвистически наиболее обоснованной на сегодняшний день гипотезой, то ее стоит отнести непосредственно к концу IX — первой трети X в. (910–920-м гг.), т. е. ко времени разрушения укреплений Городища и последовавших за этим изменений характера жизни на поселении, в том числе связанных с предполагаемым снижением ее активности. Именно в это время складываются предпосылки для возникновения поселков на территории Новгорода, которые надежно фиксируются уже в 930-е гг.

Подведем некоторые итоги нашим разысканиям. Е. Н. Носов был прав в своем видении истории поселений в истоках Волхова и судьбы их названий. Предлагаемая нами детализация этой истории лишь уточняет выдвинутые им гипотезы. Существующие археологические материалы позволяют говорить о появлении скандинавских укреплений Городища — Нового городка Рюрика в третьей четверти IX в. на месте более раннего поселения, предположительно славянского Холмъграда. Однако в конце этого столетия и в 910–920-х гг. на Городище можно наблюдать некоторое снижение поселенческой активности. Этому периоду может соответствовать появление поселений с лепной керамикой на Славенском и Дворищенском холмах, ставших новым Холмъградом и отражавших процесс изменения отношений между князем и местными общинами.

Не позднее 930-х гг. на Городище наблюдается новая волна активности, которая совпадает со временем появления протогородских поселков на левом берегу Волхова и изменением в судьбах ряда поселений Новгородской земли, в том числе упадком старых и появлением новых. В 970-е гг., во время правления в Новгороде молодого Владимира, здесь появляется княжий двор как результат нового союза между раннегородской общиной и князем, а кремлевские холмы и Торг подпадают под княжескую юрисдикцию. Языческая реформа 980 г. закрепляет за северным холмом религиозные функции. Княжий двор как комплекс укрепленных городских усадеб окончательно занимает свое место на Торговой стороне. В то же время на самом Городище уже в последней четверти X в. можно наблюдать запустение хлебных печей, что может объясняться переселением княжеских людей на территорию протогородских поселков.

Не позднее этого времени берега Волхова соединил мост, шедший от дворищенского холма к

южному кремлевскому холму и, скорее всего, служащий продолжением дороги, ведущей с Городища. Стоит предположить, что появление княжого двора и строительство моста начинают процесс объединения протогородских поселков в единый городской организм, который и становится Новгородом. Упоминание летописью под 1044 г. возведения крепости с именем Новгород не ставит под сомнение существование вокруг нее развитого поселения неаграрного типа, уже носившего это имя. Строительство детинца лишь завершает формирование города, новым организующим центром которого к этому времени уже стали владычный двор и городской собор, предположительно сменившие на северном холме дохристианский культ.

В результате христианский город наследует социальную структуру, сложившуюся в истоках Волхова еще в середине X в.: *oratores* Софийского холма, *bellatores* Городища и княжого двора, *laboratores* протогородских поселков. Такая социальная схема в целом согласуется с предложенной Е. Н. Носовым социальной типологией городов Поволховья (Носов, 2000. С. 162–171). Однако в верховьях Волхова североевропейская, или скандинавская, вуаль, о которой писал Е. Н. Носов, приобретает иное культурообразующее значение. Она перестает быть формой легкого культурного влияния, окутывавшего славянскую подоснову, а именно в таком смысле археология использует понятие вуали (ср.: «скифская вуаль», «кельтская вуаль»). Если для Рюрикова городища X в. северная материальная культура оказывается не столько вуалью, сколько базовой характеристикой, то для жителей Новгорода X–XI вв., несмотря на то что среди них определенно были норманны, она становится источником культурной и социальной конкуренции, обеспечившей унификацию городского быта и развитие местной общины.

Эта унификация способствовала тому, что к началу XII в. создание нового города окончательно завершилось. Княжий двор близ Торга получает в исторической памяти имя Ярослава — одного из ключевых деятелей новгородской истории, а князь, исполнив свою миссию, возвращается из города на Городище...⁷

⁷ Автор благодарен своим коллегам и друзьям — О. А. Тарабардиной и А. В. Плохову, за их консультации и дискуссию вокруг выдвинутых гипотез.

- Алешковский*, 1962 — *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // *Архитектурное наследство*. М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1962. Т. 14. С. 3–26.
- Алешковский*, 1971 — *Алешковский М. Х.* Отчет о работе Кремлевского отряда Новгородской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г. // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 4580.
- Алешковский*, 2015 — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Из истории создания и редакторской обработки / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Весь Мир, 2015. 311 с.
- Амброзиани и др.*, 1994 — *Амброзиани Б., Гайдук П. Г., Носов Е. Н., Янссон И.* Первая находка скандинавской равноплечей фибулы типа Вальста на Руси // *АВ*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. № 3. С. 110–120.
- Андреев*, 1984 — *Андреев В. Ф.* Княжеский двор в древнем Новгороде // *НИС*. Л.; Новгород: Облоно, 1984. Вып. 2 (12). С. 114–126.
- Андриенко и др.*, 2015 — *Андриенко А. В., Курбанова М. П., Шуреев А. В.* Исследования на Ярославском дворе в 2013–2014 гг. // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2015. Вып. 29. С. 123–128.
- Аничков*, 1914 — *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 386 с.
- Антипов и др.*, 2011 — *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В., Родионова М. А.* Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском Кремле // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2011. Вып. 25. С. 84–93.
- Антипов и др.*, 2012 — *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В., Родионова М. А.* Архитектурно-археологические исследования 2011 г. в Кремле Великого Новгорода и Новгородском районе // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 50–59.
- Антипов и др.*, 2013 — *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В., Родионова М. А.* Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 53–59.
- Антипов, Жервэ*, 2018 — *Антипов И. В., Жервэ А. В.* Раскопки в храмах Ильи Пророка на Славне и Николы на Липне // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 53–61.
- Антипов, Жервэ*, 2019 — *Антипов И. В., Жервэ А. В.* Раскопки и разведки памятников средневековой архитектуры в Великом Новгороде и Новгородском районе // *НиНЗ ИА*. Великий Новгород: НГОМЗ, 2019. Вып. 32. С. 108–116.
- Арциховский*, 1949 — *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. М.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). Т. I. С. 119–151.
- Арциховский*, 1950 — *Арциховский А. В.* Раскопки в Новгороде // *КСИИМК*. М., 1950. Вып. 33. С. 3–16.
- Арциховский*, 1956 — *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // *Тр. Новгородской археологической экспедиции*. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. I. С. 7–43.
- Белецкий*, 2000 — *Белецкий С. В.* Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2000. № 6: Печать презренного металла. С. 1–59.
- Бернштейн-Коган*, 1950 — *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // *Вопросы географии*. М.: ГЕОГРАФИЗ, 1950. Сборник 20: Историческая география СССР. С. 239–270.
- Богуславский*, 2003/2004 — *Богуславский О. И.* Комплекс памятников у деревни Городище на реке Сясь // *Stratum Plus*. Кишинев: ВАШ. 2003/2004. № 5: Мастера средневековья. С. 171–243.
- Бугославский*, 2006 — *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М.: Языки Славянских культур, 2006. Т. 1. 311 с.
- Булгакова*, 2010 — *Булгакова В. И.* Византийская печать IX в. с Рюрикова городища // *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 25–27.
- Буров*, 1987 — *Буров В. А.* О местоположении князей сотни в древнем Новгороде // *СА*. 1987. № 1. С. 91–102.
- Буров*, 1988 — *Буров В. А.* О социальной топографии Новгородского детинца X–XV вв. // *АИППЗ*. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 101–103.
- Буров*, 1989 — *Буров В. А.* Посад и сотенная структура древнего Новгорода // *АИППЗ*. 1988 г. Краткие тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1989. С. 30–32.
- Вилкул*, 2008 — *Вилкул Т. Л.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. Cambridge, MA. 2008. Vol. 16 (2). С. 272–280.
- Войтович*, 2015 — *Войтович Л. В.* Хольмгард — Новгород: загадки истории Руси X — первой половины XI века // *Вестник Удмуртского университета*. Ижевск, 2015. Т. 25 (1). С. 7–18.
- Воронин*, 1945 — *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 103 с.

- Воронова, 1988 — Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле (в 1985 г.) // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1988. Вып. 1. С. 73–75.
- Гимон, 2018 — Гимон Т. В. Устная традиция о событиях XI в. в средневековом Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. Памяти Г. В. Глазыриной. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2018. С. 157–183.
- Гиппиус, 2007 — Гиппиус А. А. Новгород и Ладога в «Повести временных лет» // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213–220.
- Гомзин, 2018 — Гомзин А. А. Худжистанский дирхам из раскопок на Рюриковом городище // КСИА. М., 2018. Вып. 252. С. 25–31.
- Гордиенко, 2018 — Гордиенко Э. А. Деревянная Софья, каменная церковь Иоакима и Анны 989 г. и Рождественский придел в Софийском соборе 1045/1052 г. в истории строительства Владычного двора // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2018. № 2. С. 5–27.
- Горюнова, 2005 — Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарного комплекса городских центров Северо-Западной Руси X — начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 82–121.
- Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 354 с.
- Греков, 1953 — Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
- Грушевський, 1991 — Грушевський М. Історія України-Руси. В 11 т., 12 кн. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 1: До початку XI віку. 648 с.
- Гусаков, 1992 — Гусаков В. Н. Археологические исследования и наблюдения в Новгороде в 1990 г. // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1992. Вып. 4–5. С. 8–13.
- Джаксон, 1984 — Джаксон Т. Н. О названии Руси Garðar // Scando-Slavica. 1984. Т. 30. С. 133–143.
- Джаксон, 2012 — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.
- Джаксон, Молчанов, 1990 — Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. Л., 1990. Вып. XXI. С. 226–238.
- Диба, 2011а — Диба Ю. Літописне Будятино (про місце народження князя Володимира Святославича та розташування найдавнішої церкви Пресвятої Богородиці) // П'яті «Ольжині читання» (Пліснеськ, 7 травня 2010 р.). Львів: Броди, 2011. С. 23–28.
- Диба, 2011б — Диба Ю. «И сани еѣ стоѣть въ Плесъковѣ и до сего дни»: Перший приклад «музеїфікації» чи літературна містифікація? // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2011. Вип. 5. С. 9–28.
- Диба, 2013а — Диба Ю. Новгород на Волхові IX–X ст. як історіографічний міф // Містобудування та територіальне планування: Наук.-техн. збірник. Київ: КНУБА, 2013. Вип. 50. С. 163–170.
- Диба, 2013б — Диба Ю. Літописне свідчення про заснування міста Володимира наприкінці X століття: Володимир на Лузі чи Владімір на Клязьмі? // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2013. Вип. 7. С. 15–30.
- Диба, 2014 — Диба Ю. Батьківщина святого Володимира: Волинська земля у подіях X століття (Міждисциплінарні нариси ранньої історії Русі–України). Львів: Колір ПРО, 2014. 483 с.
- Диба, 2015а — Диба Ю. Формування території «Руської землі» IX–X ст. у контексті функціонування трансєвропейського торговельного шляху Булгар–Київ–Регенсбург // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Луцьк, 2015. Вип. 55. С. 42–50.
- Диба, 2015б — Диба Ю. Novuogardia Калюси Малого — Новугородъ Ольги — Nemogardas Святослава — Новъгородъ Володимира (локалізація Новгорода X ст. у світлі історичної картографії) // Християнська традиція Київської Русі: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Луцьк, 2015. С. 73–91.
- Диба, 2016 — Диба Ю. Географія початкової русі за східними джерелами // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2016. Вип. 10. С. 9–58.
- Диба, 2017а — Диба Ю. Ше раз про літописний 'Новгород' IX — X століть (нотатки з приводу нової публікації Є. Носова) // Містознавчі студії: становлення наукового напрямку: Програма та тези доповідей наукової конференції з нагоди ювілею проф. Г. П. Петришин. Львів, 2017. С. 14–18.
- Диба, 2017б — Диба Ю. Джерела до ранньої історії Володимирської єпархії // Волинський благовісник. 2017. № 5. С. 97–118.

- Добровольский*, 2008 — *Добровольский Д. А.* Вопрос об основании Новгорода в летописании XI — начала XII в. // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2008. № 3 (33). С. 25–26.
- Дорофеева*, 2016а — *Дорофеева Т. С.* О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет) // *АИППЗ. Материалы 61-го заседания*. М.; Псков; СПб., 2016. Вып. 31. С. 227–239.
- Дорофеева*, 2016б — *Дорофеева Т. С.* Скандинавские «символы бесконечности» с Рюрикова городища и из новгородского Софийского собора // *РА*. 2016. № 1. С. 106–113.
- Дорофеева, Михайлов*, 2019 — *Дорофеева Т. С., Михайлов К. А.* Находка уникального комплекса глиняных дисков-грузил на Рюриковом городище в 2017 г. // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2019. Вып. 32. С. 262–265.
- Дубровин*, 2007 — *Дубровин Г. Е.* Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2007. № 1 (27). С. 45–49.
- Дубровин*, 2010 — *Дубровин Г. Е.* О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2010. № 3 (41). С. 45–54.
- Дубровин*, 2016 — *Дубровин Г. Е.* Плотницкий конец средневекового Новгорода. М.: Зерцало, 2016. 608 с.
- Еремеев*, 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIV). 694 с.
- Еремеев*, 2019 — *Еремеев И. И.* Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013–2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 67–92.
- Еремеев, Дзюба*, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXIII). 670 с.
- Еремеев, Носов*, 2018 — *Еремеев И. И., Носов Е. Н.* О раскопках фортификационных сооружений Рюрикова городища Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН // *АО* 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 52–57.
- Жуковский*, 2017 — *Жуковский М. О.* Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2015. Экономические системы Евразии в ранне Средневековье. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 144–246.
- Жуковский*, 2018 — *Жуковский М. О.* Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода // *АВ*. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 24. С. 198–206.
- Истрин*, 1921 — *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // *ИОРЯС*. Пг., 1921. Т. XXVI. С. 45–102; Т. XXVII. С. 207–251.
- Каргер*, 1946 — *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1946. 183 с.
- Каргер*, 1947 — *Каргер М. К.* Основные итоги археологического изучения Новгорода // *СА*. 1947. Т. IX. С. 137–170.
- Клейбер*, 1959а — *Клейбер Б.* Поромьянь в Пскове и Поромони двор в Новгороде // *Славянское языкознание: Сб. ст. М.*: Изд-во АН СССР, 1959. С. 120–124.
- Клейбер*, 1959б — *Клейбер Б.* Два древнерусских местных названия // *Scando-Slavica*. 1959. Т. 5. С. 132–147.
- Колчин, Хорошев*, 1978 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // *Археологическое изучение Новгорода*. М.: Наука, 1978. С. 135–173.
- Колчин, Янин*, 1982 — *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. М.: Наука, 1982. С. 3–137.
- Константин Багрянородный*, 1989 — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 493 с.
- Кудрявцев, Андриенко*, 2018 — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2018. Вып. 31. С. 47–53.
- Кудрявцев, Андриенко*, 2019 — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (по материалам археологических исследований 2016–2017 гг.) // *Архитектурная археология*. М.: Буки веда, 2019. № 1. С. 113–128.

- Куза, 1975 — Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв.: Сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 144–201.
- Кушнир, 1982 — Кушнир И. И. Архитектура Новгорода. Л.: Лениздат, 1982. 144 с.
- Лукин, 2014 — Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 607 с.
- Ляскоронский, 1913 — Ляскоронский В. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. СПб.: Сенатская типография, 1913. 328 с.
- Мавродин, 1971 — Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. 192 с.
- Майков, 1911 — Майков В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 307 с.
- Мачинский, 1984 — Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 5–25.
- Мачинский, 2002 — Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: связующие пути и организующие центры. VI чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: б. и., 2002. С. 5–35.
- Мачинский, 2009 — Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009 (Тр. ГЭ; Т. XLIX). С. 460–538.
- Медведев, 1967 — Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // СА. 1967. № 3. С. 265–286.
- Мельникова, 1977 — Мельникова Е. А. Восточноевропейские топонимы с корнем gaŕð- в древнескандинавской письменности // СС. 1977. Вып. XXII. С. 199–210.
- Михайлов, 2010 — Михайлов К. А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 308–315.
- Михайлов, 2012 — Михайлов К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городских центров IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов конф. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.
- Михеев, 2011 — Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. 279 с.
- Михеев, 2019 — Михеев С. М. Фарьманъ и Поромонь дворъ: действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юб. сб. в честь А. В. Назаренко. М.; СПб.: ИРИ РАН, 2019. С. 360–371.
- Монгайт, 1951 — Монгайт А. Л. Археологические заметки. Новгородские гирьки // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 133–137.
- Монгайт, 1952 — Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 31). Т. II: Крепостные сооружения Древней Руси. С. 7–132.
- Мурзаев, 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мусин, 2002а — Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. Т. 1–3. 834 с.
- Мусин, 2002б — Мусин А. Е. Структуры власти Ладоги XI–XV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 68–87.
- Мусин, 2003 — Мусин А. Е. К вопросу о границах и историческом статусе Околотка Великого Новгорода // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 138–153.
- Мусин, 2009 — Мусин А. Е. Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники ист. мысли, 2009. С. 104–122.
- Мусин, 2010а — Мусин А. Е. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.
- Мусин, 2010б — Мусин А. Е. Христианская культура и церковная структура Ладоги в X–XVI веках // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. статей в честь А. Н. Кирпичникова. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 37–54.
- Мусин, 2010в — Мусин А. Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого:

- источники и исследования. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2010. С. 155–197.
- Мусин, 2012 — Мусин А. Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // РАЕ. СПб.: ИИМК РАН, 2012. № 2. С. 555–602.
- Мусин, 2016 — Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 232 с.
- Мусин, 2018а — Мусин А. Е. «Погибель земли Русьской». Средневековый словарь и его прочтения: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. // Середньовічна Русь: проблеми термінології. Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет, 2018 (Colloquia Russica, Series II; 4). С. 93–148.
- Мусин, 2018б — Мусин А. Е. Corpus fratrum или «союз архонтов»? Историко-археологический комментарий к моделям власти в Восточной Европе конца XI века // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 183–206.
- Мусин, Тарабардина, 2019 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник СПбГУ. Сер.: История. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. Т. 64, вып. 2. С. 762–785.
- Мюллер, 2000 — Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 431 с.
- Назаренко, 2009 — Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ (Тр. ГЭ; Т. XLIX), 2009. С. 411–429.
- Насонов, 1951 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.
- Несин, 2017 — Несин М. А. Топоним «Славно» в XII–XVI вв. по данным новгородского летописания // Valla. 2017. Т. 3 (1). С. 1–21.
- Несин, 2018 — Несин М. А. Два топонима Плотницкого конца Торговой стороны средневекового Новгорода: Подол и Полянка // Valla. 2018. Т. 4 (3). С. 1–16.
- Никитин, 2001 — Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001. 766 с.
- Носов, 1984 — Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете археологических данных: к вопросу о возникновении Новгорода // НИС. Л.: Наука, 1984. № 2 (12). С. 3–38.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.
- Носов, 1993а — Носов Е. Н. Города эпохи Викингов. Рец. на: Clarke H., Ambrosiani B. Towns in the Viking age. Leicester: Leicester Univ. press, 1991, 207 p. // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 1993. № 2. С. 209–212.
- Носов, 1993б — Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 59–78.
- Носов, 1995 — Носов Е. Н. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. СПб.: Наука, 1995. № 5 (15). С. 5–17.
- Носов, 1997 — Носов Е. Н. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: УРСС, 1997. Т. 2. С. 272–285.
- Носов, 1998 — Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб.: Вести, 1998. С. 56–82.
- Носов, 2000 — Носов Е. Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: Вести, 2000. С. 162–171.
- Носов, 2007 — Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 23–56.
- Носов, 2017 — Носов Е. Н. Хольмгард-Новгород-Городище (к вопросу о первом названии центра Сверхой Руси) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2017. Вып. 31. С. 116–120.
- Носов, Конецкий, 1995 — Носов Е. Н., Конецкий В. Я. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Т. 3: Славяно-русские древности. С. 29–54.
- Носов, Хвоцинская, 2004 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летия В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 227–233.

- Носов, Хвоцинская*, 2010 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* К вопросу о размещении участков ремесленного производства на Городище под Новгородом // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. в честь А. Н. Кирпичникова. СПб.: Ломоносовъ, 2010. Т. 2. С. 60–70.
- Носов, Хвоцинская*, 2018 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г. // ЗИИМК. 2018. № 19. С. 137–147.
- Носов, Хвоцинская*, 2019а — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Княжеский храм Благовещения в свете новых раскопок древнего рва Рюрикова городища // Архитектурная археология. М.: Буки веда, 2019. № 1. С. 55–69.
- Носов, Хвоцинская*, 2019б — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Хлебные печи Рюрикова городища // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 121–131.
- Носов и др.*, 2012 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Русь Новгородская. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: Лик, 2012. 224 с.
- Носов и др.*, 2016 — *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С.* Полевой сезон 2015 года на Рюриковом городище // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 110–112.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Олейников*, 2014 — *Олейников О. М.* Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследований 2013 г.) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 50–61.
- Олейников*, 2017а — *Олейников О. М.* Новые данные по исторической топографии Новгородского кремля // АИППЗ. Материалы 62-го заседания. М.; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 164–170.
- Олейников*, 2017б — *Олейников О. М.* Отчет о проведении археологических исследований вала и фундаментов каменной стены новгородского детинца в 2015 г. М., 2017 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. (6/№).
- Олейников, Долгих*, 2015 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М. Х. Алешковского в 1959 г. // КИСА. М., 2015. Вып. 241. С. 307–317.
- Олейников, Долгих*, 2016 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по исторической топографии Новгородского кремля // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 29–43.
- Олейников, Долгих*, 2018 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2018. Вып. 31. С. 176–181.
- Орлов*, 1960 — *Орлов С. Н.* Старая Ладога: исторический очерк. Л.: Лениздат, 1960. 120 с.
- Орлов*, 1964 — *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X–XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города. М.: Наука, 1964. С. 264–285.
- Орлов*, 1965 — *Орлов С. Н.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ. Новгород: НГПИ, 1965. Т. 1, вып. 1. С. 3–52.
- Орлов, Воробьев*, 1959 — *Орлов С. Н., Воробьев А. В.* Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород: Кн. ред. газ. «Новгор. правда», 1959. 55 с.
- Пархоменко*, 1924 — *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.: Госиздат, 1924. 113 с.
- Петров*, 2009 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2009. Вып. 23. С. 80–90.
- Петров*, 2015 — *Петров М. И.* ГИС «Средневековый Новгород»: состав, методы, результаты исследований // Историческая информатика: информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. М.: МГУ, 2015. № 1–2. С. 42–49.
- Петров, Сорокин*, 1997 — *Петров М. И., Сорокин А. Н.* О размерах древних усадеб средневекового Новгорода // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1997. Вып. 11. С. 54–63.
- Петров, Тарабардина*, 2011 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Динамика изменений городской территории Новгорода в X–XIV вв. // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2011. Вып. 57. С. 139–147.
- Петров, Тарабардина*, 2017 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Моделирование территории Новгорода X–XIV вв. средствами ГИС // Археология и геоинформатика. М., 2017. Вып. 8. [Электронный ресурс]: CD-ROM.

- Петров, Тарабардина*, 2020 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 28. С. 134–151.
- Петров, Трояновский*, 1997 — *Петров М. И., Трояновский С. В.* Моделирование палеорельефа исторической территории (на примере Новгородского кремля) // *Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Тр. IV конф. Ассоциации «История и компьютер».* М.: МГУ, 1997. С. 108–118.
- Петрова и др.*, 1999 — *Петрова Л. Я., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д.* О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // *НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ*, 1999. Вып. 13. С. 172–192.
- Петрухин*, 2018 — *Петрухин В. Я.* К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово // *Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования.* Вып. 1. М.: Изд-во ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; 210). С. 461–471.
- Платонов*, 1920 — *Платонов С. Ф.* Русса // *Дела и дни: исторический журнал.* 1920. № 1. С. 1–13.
- Платонова и др.*, 2007 — *Платонова Н. И., Желгова Т. А., Лесман Ю. М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // *Северная Русь и народы Балтики.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 142–194.
- Плохов*, 2009 — *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // *«Хорошие дни». Памяти Александра Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: Леоп-Арт*, 2009. С. 417–431.
- Плохов, Торопов*, 2013 — *Плохов А. В., Торопов С. Е.* Городок на Шелони — «забытый» памятник эпохи раннего средневековья // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2013. Вып. 27. С. 251–277.
- Поппэ*, 1974 — *Поппэ А. В.* Родословная Мстиши Свенельдича // *Летописи и хроники.* 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 64–91.
- Пресняков*, 1993 — *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. М.: Наука, 1993. 632 с.
- Приселков*, 2002 — *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб.: Наука, 2002. 512 с.
- Прозоровский*, 1864 — *Прозоровский Д. И.* О родстве св. Владимира по матери // *Записки Императорской Академии наук.* СПб.: Тип. АН, 1864. Т. V, кн. I. С. 17–26.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908; Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000; Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982; Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Равдоникас*, 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // *СА.* 1949. Т. XI. С. 5–54.
- Родионова, Антипов*, 2018 — *Родионова М. А., Антипов И. В.* Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. (по данным археол. исслед.) // *Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 226–236.
- Рыбаков*, 1982 — *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рыдзевская*, 1922 — *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgård // *ИРАИМК. Пг.*, 1922. Т. II. С. 105–112.
- Седов*, 2001 — *Седов Вл. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора в 1999–2000 гг. М., 2001 // *НОА ИА РАН. Ф. Р-1.* № 24174.
- Седов*, 2002 — *Седов Вл. В.* Работы Новгородской архитектурно-археологической экспедиции // *АО 2000 г. М.: Наука*, 2002. С. 40–41.
- Семенов*, 1936 — *Семенов А. И.* Топография Новгородского торгового в 1583 году // *НИС. Новгород*, 1936. Вып. 1. С. 23–40.
- Семенов*, 1958 — *Семенов А. И.* Ярославово Дворище и Торг. Новгород: Новгородская правда, 1958. 46 с.
- Семенов*, 1959 — *Семенов А. И.* Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода // *НИС. Новгород*, 1959. Вып. 9. С. 55–73.
- Сивак*, 1992 — *Сивак С. И.* О деревянной Софии в Новгороде // *Russia Mediaevalis.* 1992. Т. VII, 1. С. 9–15.
- Соловьев*, 1941 — *Соловьев А. В.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // *Записки Русского Научного института в Белграде. Белград: Тип. «Светлост»*, 1941. Вып. 16–17. С. 37–64.
- Сорокин*, 2009 — *Сорокин А. Н.* Ярославово дворище (государев двор) // *Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2009. С. 548–550.
- Сорокин*, 2019 — *Сорокин А. Н.* «В Поромоне дворе» // *НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ*, 2019. Вып. 32. С. 322–330.
- Софийский временник, 1821 — Софийский временник. М.: Тип. Селивановского, 1821. Т. II. 497 с.

- Срезневский*, 1989 — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 1: А–Д. 806 с.
- Степанов*, 2020 — *Степанов А. В.* «Мост церес Волхово». К вопросу о взаимосвязи речной переправы и фортификаций Новгорода в X–XII вв. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2020. Вып. 33. С. 139–147.
- Степанов и др.*, 2020 — *Степанов А. В., Степанов М. А., Паль Е. П.* Подводно-археологические исследования Великого моста в 2018 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2020. Вып. 33. С. 68–75.
- Строков, Богусевич*, 1940 — *Строков А. А., Богусевич В. А.* Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть Кремля) // НИС. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 3–18.
- Строков и др.*, 1939 — *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. // НИС. Новгород, 1939. Вып. 5. С. 3–17.
- Тарабардина*, 2015а — *Тарабардина О. А.* Ярославово дворище в свете данных дендрохронологических исследований // НИС. Великий Новгород: НовГУ, 2015. Вып. 15 (25). С. 33–44.
- Тарабардина*, 2015б — *Тарабардина О. А.* Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // АИППЗ. Материалы 60-го заседания. М.; СПб.; Псков: Нестор-История, 2015. Вып. 30. С. 177–189.
- Тарабардина*, 2018 — *Тарабардина О. А.* Новгород X века по данным дендрохронологических исследований // Археология Древней Руси: проблемы и открытия: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 2018 (Сер. II: Исторические исследования; 83: Тр. исторического факультета МГУ. Вып. 140). С. 51–52.
- Татищев*, 1963 — *Татищев В. Н.* История российская. Т. 2–3, ч. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 352 с.
- Татищев*, 1994 — *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.: Наука, 1994. 500 с.
- Творогов*, 1997 — *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: сборник памяти Я. С. Лурье. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 203–209.
- Точилова*, 2015 — *Точилова Н. Н.* Скандинавская художественная традиция в деревянных археологических памятниках прикладного искусства Древнего Новгорода X–XIII вв. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2015. Вып. 29. С. 263–273.
- Трояновский*, 1995 — *Трояновский С. В.* История изучения Новгородского кремля // НИС. СПб.: Наука, 1995. Вып. 5. С. 89–111.
- Трояновский и др.*, 1997 — *Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К.* Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1997. Вып. 11. С. 12–19.
- Трояновский и др.*, 2003 — *Трояновский С. В., Гайдуков П. Г., Молчанов А. А.* О «купеческом кошельке» из раскопок 1938 г. в Новгородском кремле // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 122–138.
- Урьева, Черных*, 1995 — *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрощкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1995. Вып. 9. С. 106–114.
- Фараджева и др.*, 2014 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.
- Флоря*, 2012 — *Флоря Б. Н.* Призвание Рюрика и основание Новгорода // Вестник МГУ. Сер. 8: история. 2012. № 5. С. 3–9.
- Флоря*, 2015 — *Флоря Б. Н.* Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М.: МГУ, 2015. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к междунар. науч. конф. (Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г.). С. 15–20.
- Франклин, Шепард*, 2009 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 669 с.
- Хвоцинская*, 1999 — *Хвоцинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 39–50.
- Хвоцинская*, 2007 — *Хвоцинская Н. В.* Бронзолитейное производство Рюрикова городища // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 123–141.
- Хорошев*, 1978 — *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 174–196.
- Хорошев*, 1983 — *Хорошев А. С.* Происхождение Новгорода в отечественной историографии // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1983. № 6. С. 40–53.
- Хорошев и др.*, 2010 — *Хорошев А. С., Пежемский Д. В., Степанов А. М.* Новые исследования

- на Ярославом Дворище в Великом Новгороде // АО 2007 г. М.: ИА РАН, 2010. С. 45–61.
- Черных, 1996 — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Нох, 1996. 212 с.
- Шахматов, 1908 — Шахматов А. А. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сб. Харьковского историко-филологического общества, изданный в честь профессора Н. Ф. Сумцова. Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 1908. Т. XVIII. С. 75–93.
- Шахматов, 1919 — Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: Русский исторический журнал, 1919. 64 с.
- Шахматов, 2002 — Шахматов А. А. История русского летописания. СПб.: Наука, 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды; Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. 484 с.
- Шевцов, 2017 — Шевцов А. О. Фоллисы императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.
- Шевцов, 2018 — Шевцов А. О. Коллекция византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. М.: Изд-во ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; 210). Вып. 1. С. 482–509.
- Щеглова, 2009 — Щеглова О. А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009 (Тр. ГЭ; Т. XLIX). С. 39–65.
- Янин, 1956 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы Русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956. 208 с.
- Янин, 1981 — Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде // АЕ за 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 80–91.
- Янин, 1982а — Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л.: Наука, 1982. Вып. 1 (11). С. 79–95.
- Янин, 1982б — Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 138–155.
- Янин, Аleshковский, 1971 — Янин В. Л., Аleshковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.
- Янин и др., 1981 — Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Отчет Новгородской археологической экспедиции МГУ и ИА АН СССР за 1980 г. М., 1981 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 8049.
- Янсон, 1999 — Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Dejevsky, 1977 — Dejevsky N. J. Novgorod: The Origins of a Russian Town // European Towns: Their Archeology and Early History. London: Academic press, 1977. P. 391–402.
- Franklin, Shepard, 1996 — Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. London: Lomgman, 1996. 450 p.
- Garipzanov, 2006 — Garipzanov I. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica. Київ, 2006. Vol. 5. P. 3–8.
- Kleiber, 1957 — Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen aus Gardarike // Scando-Slavica. 1957. T. 3. P. 215–223.
- Kolditz, 2017 — Kolditz S. Barbarian Emperors? Aspects of the Byzantine Perception of the qaghan (chaganos) in the Earlier Middle Ages // Transcultural approaches to the concept of imperial rule in the Middle Ages. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 42–76.
- Musin, 2020 — Musin A. North-Western Russia in the 1st Millennium AD: New challenges for a traditional archaeological panorama // Quo vadis, Frühgeschichtliche Archäologie? Standpunkte und Perspektiven (Berlin, 6.–8. Oktober 2014). Tagungsbeiträge der Arbeitsgemeinschaft Spätantike und Frühmittelalter. Bd. 9. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2020. P. 271–307.
- Ostrowski, 2003 — Ostrowski D. The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X, part 1–3). 2368 p.
- Ostrowski, 2008 — Ostrowski D. Where was Rurik's first seat according to Povest' vremennykh let? // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33). С. 47–48.
- Platonova, 2016 — Platonova N. I. Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St. Petersburg) // European Journal of Postclassical Archaeologies. Padova, 2016. Vol. 6. P. 333–416.
- Reynolds, 1982 — Reynolds S. An introduction to the history of English medieval towns. Oxford: Oxford University Press, 1982. 234 p.
- Tochilova, 2018 — Tochilova N. Viking traces — artistic tradition of the Viking Age in applied art of pre-Mongolian Novgorod // Situne Dei. Sigtuna. 2018. P. 48–61.

Ryurik Gorodishche, Yaroslavovo Dvorishche and Novgorod the Great

A. E. Musin

This paper presents a review of E. N. Nosov's notions on the origins and early history of Novgorod, Princely Court and Gorodishche; new hypotheses in this sphere are critically evaluated. The historical memory preserved in the Chronicle about Slavic settlement at Gorodishche prior to the appearance of the hillfort of Rurik, the first Novgorod, in the third quarter of the 9th century is confirmed. The history of different areas of Gorodishche is argued. The observations are based on the correlation between the hand-made and turned pottery and dendrochronology of wooden elements came from the excavation of workshop and living structures and wood-clay bread ovens. Hypotheses are proposed concerning the synchronization of early history of Gorodishche and Novgorod. The decrease of Gorodishche in the 890–920s corresponds to the emergence of the earliest settlements at Torgovaya Side in Novgorod at Slavno (Kholm) and Dvorishche hills. It is exactly in this period that the toponym Kholmgrad can have appeared here. The revival of Gorodishche in the 930–950s is synchronous to the emergence of settlements at Sofiyskaya Side at Northern and Southern kremlin hills and on the territories of Lyudin and Nerevsky Ends. The appearance of the Princely Court near Torg (Market or trade area) is dated to the 970s and corresponds to the new decline of Gorodishche in the third quarter — the end of the 10th century. Its decline was reflected to the breakdown of bread ovens served for the princely retinue. Simultaneously, the prince's jurisdiction covers the Kremlin hills where a common urban religious centre arises. The bridge over the Volkhov and Slavenskaya Street as a part of the way to Gorodishche built at this time united the proto-urban settlements into the town of Novgorod. The construction of the Detinets (kremlin) in the 11th century around the Episcopal residence as a centre of new town in the Eastern Europe, completed the formation of the urban settlement. At the end of the 11th century the princely residence was transferred from the Torg to Gorodishche. Here it is highlighted that the hypotheses proposed by E. N. Nosov concerning the origins of Gorodishche and Novgorod and social and historical correlation between two settlements have generally stood the test of time.